ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА КПСС

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ 1989/9

А.И. Зевелев

ИЗ ИСТОРИИ УТВЕРЖДЕНИЯ ЕДИНОВЛАСТИЯ СТАЛИНА

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА КПСС

9/1989

Издается ежемесячно с 1967 г.

А. И. Зевелев,
доктор исторических наук

ИЗ ИСТОРИИ УТВЕРЖДЕНИЯ ЕДИНОВЛАСТИЯ СТАЛИНА

Издательство «Знание» Москва 1989

ББК 66.61(2)2
З-47

ЗЕВЕЛЕВ Александр Израилевич — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель проблемной лаборатории методологии и историографии истории КПСС МГИАИ, автор более 150 работ по истории, методологии и историографии историко-партийной науки.

Редактор — *Л. Б. ЯСТРЕБОВ*

Зевелев А. И.

З-47 Из истории утверждения единовластия Сталина. — М.: Знание, 1989. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС»; № 9).

ISBN 5-07000941-9

15 к.

На основе современных подходов к историко-партийному исследованию в брошюре раскрываются некоторые аспекты истории восхождения Сталина на политический Олимп, показываются методы и приемы, применявшиеся им для утверждения своего единовластия в партии и государстве.

Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов, партийных работников.

0902020000 **ББК 66.61(2)2**

ISBN 5-07-000941-9

Иосиф Виссарионович Сталин. Около 70 лет на протяжении нашей истории имя этого человека при его жизни произносилось с величайшим энтузиазмом, даже обожествлением, а в дальнейшем с нескрываемой ненавистью и проклятием. Эта полярная разноголосица случается не так уж часто в калейдоскопе сменяющих друг друга исторических деятелей.

Объясним цифру «70». 30 из них Сталин являлся Генеральным секретарем, секретарем Центрального Комитета РКП(б) (1922—1925), ВКП(б) (1925—1952), КПСС (1952—1953). 36 минуло после его смерти.

Полемика вокруг личности Сталина и сегодня не утихает, и она далеко не завершена.

Почему же необходимо в современных условиях возвращение к истории восхождения на политический Олимп и утверждения на нем Сталина? Ответ на этот сложный вопрос далеко не однозначен, тем более что раздаются не одинокие грозные голоса: «Хватит копаться в прошлом!», «Надоело!», «Есть дела поважнее, дела сегодняшние!».

Думаю, что это не так. Жить полнокровно только днем сегодняшним никому и никогда еще не удавалось. Незнание прошлого всегда мстит, и мстит жестоко. Применительно к личности Сталина эта довольно общеизвестная констатация развертывается — в сжатом виде — вот в какую схему воззрений.

Великий Октябрь — событие всемирно-исторического значения — вызвал необратимые изменения в развитии человечества по пути социализма и общественного прогресса. Героическим трудом нескольких поколений советских людей наша страна стала могущественной мировой державой. Имеет ли ко всему этому отношение Сталин? Да, имеет!

Ныне явственно высвечивается тенденция: дело не

только в Сталине как личности, а в обществе, в котором мы ранее жили, в котором во многом в результате его злой воли, его антиконституционных и просто бесчеловечных приемов и действий сформировалась оппозиция ленинской концепции социализма. И потому правы те, кто считает, что корни причин, приведших к обстановке кризисных явлений, которые проявились с большой силой к началу 80-х гг. в сфере экономики, идеологии и нравственных отношений, не говоря уже о сложившихся в нашей стране командно-административной системе управления и механизме торможения, лежат в политике и практике сталинщины.

М. С. Горбачев в своей речи в Ташкенте в апреле 1988 г. обратил внимание на два аспекта проблемы. «Мы поняли, — говорил он, — что партии надо проявить мужество и волю, освободиться от сложившихся представлений о социализме, на которых лежит печать определенных условий и особенно — периода культа личности». Перечислив, какие конкретно старые представления не выдержали проверки временем, он отметил далее, что нам необходимо «избавиться от всего, что, вообще говоря, деформировало социализм, сковывало творческие способности народа»[1]. Революционная перестройка общества предпринята именно поэтому. Правда истории — важный источник этого коренного обновления. Правда истории нужна всем — тем, кто стремится объективно оценить прошлое, тем, кто извлекает уроки из преступных деяний. Уроки истории особенно необходимы для выработки системы гарантий предупреждения и недопущения повторения трагедий и преступлений прошлого в настоящем и будущем.

Познать всю правду — насколько возможно познать истину — о Сталине требуется и потому, что его наследие оказалось более живучим, чем можно было в середине 50-х гг., да и сейчас предположить. А предвидеть нужно было. Еще Маркс в одном из предисловий к первому изданию «Капитала» образно писал: «Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых»[2]. К этому следует добавить еще одну констатацию: чем основа-

---

[1] Горбачев М. С. Успех перестройки — в руках народа. Сб. материалов о поездке М. С. Горбачева в Узбекистан 6—8 апреля 1988 года. — М., 1988. — С. 17.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 9.

тельней мы обращаемся к истории, историческим истокам, опыту, тем глубже понимаем современное положение. Извлечение уроков из прошлого должно служить движению **от покаяния к действию.** Искажение правды истории, замалчивание теоретических и практических просчетов прошлого чревато весьма значительными, а то и невосполнимыми потерями в сфере политики, идеологии, культуры, в сфере воспитания кадров партии и государства. Верно сказано: народ, забывший свою историю, обречен повторить ее; так же точно подмечено, что «забвение» и «застой» однопорядковые явления.

И еще об одном. Теоретическая мысль не может быть раскована, развиваться творчески, приносить пользу великому преобразовательному делу партии без преодоления мертвящих догм и стереотипов, свойственных Сталину и его последователям.

Сказанное позволяет заключить: продолжение разговора о Сталине актуально, поскольку и сегодня мы еще не свободны от сталинщины. Будущее наше возможно только без нее!

КОРОТКО О ПОСТАНОВЛЕНИИ 1956 ГОДА

Культ личности Сталина, как известно, был разоблачен на XX съезде партии (февраль 1956 г.). По докладу Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» съезд принял тогда постановление, состоявшее из десяти строк. Спустя четыре месяца, 30 июня 1956 г., Центральным Комитетом КПСС было принято постановление «О преодолении культа личности и его последствий». Длительное время считалось, что в этом последнем документе отражены все объективные и субъективные условия формирования культа личности Сталина.

С учетом всего, что нам стало известно за последние три-четыре года, зададимся вопросом: так ли это?

Решения XX съезда и постановление ЦК, безусловно, наметили возврат к ленинским нормам и принципам партийного руководства. Была дана критика ряда антиленинских положений Сталина; приведены отрывки из «Письма к съезду» Ленина. Все это было свидетельством того, что началось политическое и духовное обновление общества, хотя для многих это явилось развенчанием укоренившихся в их сознании прежних ориентиров и догм и они не одобряли перемен. Положение скла-

дывалось архисложное. Партии предстояло провести огромную работу по разъяснению своей политики на основе постановления, которое, как оказалось, и в теоретическом, и в гносеологическом плане было далеко не безупречным. Даже в названии его умалчивалось, что речь идет о культе Сталина.

После апреля 1985 г. были предприняты серьезные попытки объяснить причины того, почему впоследствии— спустя короткое время после XX съезда — очищение партии и общества от наслоений культа личности Сталина «захлебнулось», не было доведено до конца. И одной из причин было то, что само постановление по своему политическому и теоретическому уровню не соответствовало задачам, поставленным партией, не удовлетворяло общественность нашей страны и международное коммунистическое движение. Поэтому и его практическое осуществление дало лишь половинчатый результат.

Иного и не могло быть, поскольку в постановлении вопреки истине было записано, что якобы после смерти Сталина «**с исключительной настойчивостью и решительностью** (подчеркнуто нами. — *А. З.*) ликвидируются последствия культа личности» и эта «борьба» объявлялась ни больше ни меньше как «пройденным этапом в жизни Советской страны». Между тем непоследовательность действий по десталинизации общества способствовала и тому, что некоторые проявления культа (в иных условиях и иных формах) возродились в 60-х — начале 80-х гг.

Вот почему и сегодня столь необходим глубокий анализ этого документа.

Начнем с того, что Сталин объявлялся в нем «теоретиком марксизма-ленинизма», «активным борцом за претворение в жизнь ленинских заветов», «борцом за дело социализма». Подобные реверансы в адрес вождя, естественно, не позволили во всем объеме показать извращения Сталиным ленинской концепции социализма в СССР.

Значимость постановления снижалась и тем, что в нем отсутствовала идея о необходимости слома созданной под руководством Сталина административно-бюрократической системы, а также ликвидации всесилия бюрократического партаппарата. Эта мысль косвенно под-

тверждается и таким соображением самого Н. Хрущева: «За эти три года (после смерти Сталина — с 1953 по 1956 г. — *А. З.*) мы не смогли разорвать с прошлым, мы не могли набраться мужества, **внутренней потребности** (подчеркнуто нами. — *А. З.*) и приоткрыть полог и заглянуть, что же там за этой ширмой, что кроется за тем, что было при Сталине... Мы сами, видимо, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и еще не освободились от его давления»[3].

Под влиянием ряда тогдашних руководителей (В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова), стремившихся обелить собственную деятельность в период культа Сталина, ответственность за его последствия была фактически возложена на...советский народ. В постановлении говорится: «Всякое выступление против него (Сталина. — *А. З.*) в этих условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе». И все же подобный поворот событий не давал оснований перекладывать ответственность за разрастание культа Сталина с его истинных творцов на народ и на всю партию.

Постановление ЦК не содержало постановки вопроса о социальной природе культа личности, оно ограничивалось лишь констатацией, что практика культа личности противоречит марксизму-ленинизму. Более того, в документе фактически с позиций методологии «Краткого курса истории ВКП(б)» и выступлений самого Сталина объяснялся процесс «обострения классовой борьбы». Оно, «обострение», в конечном итоге «сваливалось» в основном на происки «враждебных течений» — троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов. Содержались в постановлении и элементы открытой демагогии. Известное ограничение демократии в условиях капиталистического окружения в нем, как и ранее, связывалось с «желанием» народа, который якобы «**сознательно** (подчеркнуто нами. — *А. З.*) шел на эти временные жертвы».

В постановлении был сделан акцент на то, что серьезные ошибки были допущены Сталиным в последний

---

[3] Н. С. Хрущев вспоминает... // Аргументы и факты. — 1989. — № 13. — 1—7 апреля.

период его жизни. И ни единого слова не говорилось о преступлениях против самой партии в годы коллективизации, на других этапах истории. Имелась лишь обмолвка о «неправильных действиях Сталина», в особенности в области нарушения советской законности. Этими расхожими словами были замаскированы массовые преступные репрессии 30-х и последующих годов. Зато с уверенностью утверждалось, что восхваления в адрес Сталина «вскружили ему голову» и он «уверовал в собственную непогрешимость». И все!

Можно только предполагать относительно того, являлось ли рассматриваемое постановление плодом своеобразного компромисса между Н. С. Хрущевым и его «редакторами». Но одно несомненно: в условиях 1956 г., когда В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов и другие стояли еще у руководства партии и государства, Н. С. Хрущев и его единомышленники не могли поставить вопрос об их роли в утверждении и раздувании культа личности, особенно в его отрицательных последствиях.

Подводя итог, можно сказать, что постановление ЦК не заняло того места в жизни партии и развитии политического и исторического сознания коммунистов и беспартийных в целом, которое ему по идее предназначалось. И этого не могло произойти и не произошло не только потому, что документ страдал серьезными недостатками, не только потому, что в нем вскрывались лишь некоторые крайности проявления культа Сталина, не только, наконец, потому, что составители документа сами находились еще под сильным влиянием Сталина, но и вследствие того, что в постановлении выдвигались слишком общие цели дальнейшей жизни партии и общества.

Сформулировав в весьма общей форме призыв последовательно соблюдать важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе как творце истории, о решающей роли партии в борьбе за преобразование общества, «за победу коммунизма» (так в документе. — *А. З.*), за соблюдение ленинских принципов партийного руководства и полное восстановление принципов советского социалистического демократизма, постановление не определило принципы, формы и методы осуществления этих задач.

Постановление ЦК во многом было основано на по-

ложениях доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии, опубликованном в открытой печати только через 33 года[4], который по своему теоретическому и политическому уровню стоял гораздо выше документа ЦК. В связи с этим обратим внимание на некоторые аспекты доклада, важные для понимания рассматриваемых проблем, тем более что доклад этот, как правило, рассматривается лишь с позиций его роли в восстановлении принципов социалистической законности, реабилитации жертв сталинщины. Конечно, это имело место.

Если говорить в более широком плане, то доклад на XX съезде КПСС был выдающимся событием середины 50-х гг., оказавшим весьма значительное влияние не только на политическую обстановку и нравственный климат в нашей стране, но и на международное общественное мнение. Нельзя не отметить, что это был мужественный акт со стороны Н. С. Хрущева, вершина его политической деятельности[5].

Сравнение постановления с докладом позволяет утверждать, что в нем были довольно основательно проанализированы (в тематической последовательности) следующие вопросы: об отношении марксизма-ленинизма к такому явлению, как культ одной личности, о характеристиках, данных Лениным Сталину, содержавшихся в том числе и в ранее не публиковавшихся документах (письме Ленина Сталину по поводу его оскорблений в адрес Н. К. Крупской, письмо Надежды Константиновны Л. Б. Каменеву), о концепции Сталина относительно «врагов народа», послужившей делу развязывания небывалого террора в стране. Из других вопросов заслуживает внимание попытка показать роль Сталина в годы Великой Отечественной войны, в послевоенном конфликте с Югославией. Говорилось в докладе и о фактах фальсификации Сталиным своей собственной биографии.

---

[4] См.: Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. Заметим, что в соответствии с постановлением Президиума ЦК от 5 марта 1956 г. с докладом Н. С. Хрущева были ознакомлены все коммунисты, комсомольцы, а также беспартийный актив рабочих, колхозников и служащих. С доклада был снят гриф «строго секретно», замененный на другой — «не для печати».

[5] См.: Н. С. Хрущев вспоминает... // Аргументы и факты. — 1989. — № 14. — 8—14 апреля.

Особое значение имела попытка Н. С. Хрущева по-новому объяснить причины внутрипартийной борьбы во второй половине 20-х гг. Но здесь не было проявлено достаточной последовательности. Более того, над докладчиком довлели стереотипы «Краткого курса». Он, в частности, заявил: «Политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией». И далее: «...что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928—1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на «ситцевую индустриализацию», ставка на кулака и тому подобное». Из всего этого делался вывод: «У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением».

Но и в этих вопросах докладчик, как-то заколебавшись в своей «категорической правоте», вынужден был сказать: «Или возьмем, к примеру, троцкистов... вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть — из рабочих», которые «принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции». Такая характеристика была, конечно, ближе к исторической правде, была шагом вперед по сравнению даже с тем, что было сказано чуть выше в докладе. Однако на этих позициях, к сожалению, Хрущев и идеологический аппарат партии в дальнейшем не удержались.

Несмотря на известную противоречивость и эклектичность доклада, он вместе с постановлением ЦК открыл новый этап в развитии нашего обществознания, в том числе и историко-партийной науки.

И еще об одном вопросе.

Дефиниция «культ личности Сталина» не обнимает всей сложности этого общественно-политического явления. В узком смысле культ есть чрезмерное возвеличение и слепая вера в силу и возможности одного человека. Для Сталина была характерна эклектическая система взглядов и действий, противоречащих марксизму-ленинизму. Скорее всего, можно говорить не о «культе

личности», не даже о «сталинизме», а о «сталинщине»[6].

Расшифровка этого общего положения показывает, что на практике сталинщина означала:

— отчуждение трудящихся от собственности;

— отделение правительства от народа, народа от правительства;

— узурпация власти в партии и государстве и сосредоточение ее в руках одного человека;

— создание административно-командной системы власти, крайний волюнтаризм в руководстве политикой и экономикой;

— ликвидация коллективного руководства в партии и плюрализма мнений, подмена их единоличными решениями, замаскированными в ряде случаев под решения съездов, конференций и пленумов ЦК;

— превращение ряда руководителей партии в политиков, слепо подчиняющихся Сталину, во всем выполняющих его волю;

— отказ от социалистического демократизма и установление перманентного террора, направленного своим острием против народа и партии, а также полное пренебрежение человеческими ценностями и личностными качествами людей;

— раскол международного коммунистического движения и политика подчинения его целям единовластия.

Таким образом, есть все основания считать, что в конце 20-х, в 30-х, 40-х и начале 50-х гг. в партии и государстве произошла переориентация политики, приведшей к грубым деформациям ленинской концепции строительства социализма в СССР, к подмене ее идеями и воззрениями Сталина, не могущими быть признанными ленинскими, социалистическими.

ПУТЬ К УТВЕРЖДЕНИЮ ЕДИНОВЛАСТИЯ

Утверждению Сталина в должности генсека способствовали и конкретно-историческая обстановка в стране в середине 20-х — начале 30-х гг., и состояние дел в партии после смерти Ленина, ее классовый и социальный состав.

---

[6] См.: Проблемы истории и современность // Вопросы истории КПСС. — 1989. — № 2. — С. 60 (выступление В. П. Наумова).

Несколько аспектов обстановки имели при этом определяющее значение.

СССР находился на этапе перехода от капитализма к социализму, а на национальных окраинах (Средняя Азия, Казахстан, часть Сибири и др.) требовалось совершить скачок к социализму от докапиталистических отношений. Характерным для народного хозяйства страны оставалось анклавное развитие: индустриальные центры были окружены морем полупатриархальных, а то и патриархальных форм экономической деятельности. Эти характеристики обусловливали тот факт, что в экономике Советского государства тесно переплетались вызревающие элементы социалистического и существовавших в дореволюционной России мелкобуржуазного и патриархального укладов; в классовой структуре общества (в городе и деревне) преобладали мелкобуржуазные элементы. Так, доля сельских жителей в составе населения страны была в 4 раза выше доли горожан, а доля крестьян и членов их семей — в 6—7 раз выше доли рабочего населения.

Методологическая основа для понимания состава рабочего класса была дана Лениным. В 1922 г. он писал: «Необходимо... определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию»[7]. Он отмечал, что «сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих»[8].

В начале 20-х гг. в стране из 11 млн. рабочих насчитывалось всего 1,7 млн. промышленных рабочих, из них кадровых — не более 40%, т. е. около 700 тыс. человек. На XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) член Политбюро ЦК, председатель ВЦСПС М. П. Томский так характеризовал качественный состав рабочего класса: «Он не связан с историей рабочего класса последних революционных годов, он не знаком с фабрикой, не прошел фабричную школу, не является активным участником гражданской войны, той героической борьбы наших рабочих, которая проходила в эти годы». Эта тенденция

---

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 20.
[8] Там же. — С. 18.

существенно не изменилась и к началу 30-х гг. Пополнение рабочего класса шло преимущественно за счет выходцев из крестьянских семей. Как показала перепись 1929 г., рабочие металлургических, горных и текстильных отраслей сохраняли связь с деревней, их семьи в большинстве случаев жили там. В целом рабочий класс 20-х гг. был молод по своему пролетарскому стажу, большая часть не имела революционной закалки. В еще большей степени это относилось к рабочему классу национальных республик, где он был не только крайне малочисленным, но в его составе имелось мало представителей местных национальностей. Как показывает исторический опыт, таким рабочим в значительной мере свойственны мелкобуржуазная идеология, мелкобуржуазные предрассудки и слабости, и особенно, если можно так сказать, «тоска» по сильной личности. Мелкобуржуазность общества и культ личности — явления взаимосвязанные. Первое при определенных обстоятельствах порождает второе.

Российский рабочий класс, несмотря на то что он выступил в качестве гегемона в трех революциях, в отличие от рабочего класса развитых капиталистических стран не прошел школу обучения демократии и такого, например, ее института, как парламентаризм. Добавим к этому и такой факт: на 1 тыс. жителей в 1920 г. в европейской России имелось всего 330 грамотных. Слабо изменилось положение и в последующие пять лет.

Низкие общеобразовательный уровень и политическая культура населения, конечно, создавали питательную среду для возвышения «сильной личности», и Сталин, вне сомнения, не мог не использовать эту благоприятную возможность в целях установления своего единовластия. Он умело эксплуатировал то обстоятельство, что неграмотный человек, говоря словами Ленина, стоит вне политики, как и то, что этот же человек практически не мог требовать подлинной демократии.

Для понимания причин установления режима единовластия имеют значение и особенности политической жизни страны. Сталину явно были на руку неизжитые до конца царистские настроения, укоренявшиеся в России на протяжении столетий, а также отсутствие сформировавшихся демократических традиций как буржуазного, так и добуржуазного типа в политической структуре дооктябрьской России (община, земство, Государственная

дума и некоторые другие демократические институты не восполняли подлинного демократизма).

Благоприятным фактором утверждения единовластия Сталина выступал и состав партии, политические методы ее функционирования. Приведем некоторые данные на этот счет.

Если среди вступивших в партию в 1917 г. рабочие составляли 61,6%, крестьяне — 11,7%, служащие — 21,0%, то в 1922 г. ситуация была следующей: рабочих в рядах РКП(б) было 44,4%, крестьян — 26,7%, служащих — 22,2%, прочих — 6,7%. Численность рабочих — членов партии составляла всего 200 тыс. Эти цифры объяснимы. Уменьшение пролетарского ядра в партии произошло в результате того, что цвет рабочего класса — многие коммунисты — погиб на фронтах гражданской войны. Кроме того, к правящей партии пытались примазаться карьеристы. Чистка 1921 г. отчасти помогла от них избавиться. Однако вместо них в партию пришли отнюдь не пролетарские силы[9]. Ленин в марте 1922 г. отмечал: «Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства»[10].

Такое положение мало изменилось и в последующие годы. К моменту открытия XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) в партии насчитывалось около 400 тыс. чел. Перемены в составе партии по сравнению с 1922 г. произошли не за счет широкого приема в нее рабочих, а за счет вычищения из ее рядов непролетарских элементов. XIII конференция РКП(б) (январь 1924 г.) выдвинула задачу «вербовки» в партию в течение года 100 тыс. рабочих от станка и закрытия в нее доступа на этот период непролетарских элементов. Однако через десять дней после конференции ЦК РКП(б) принял решение о приеме в партию 200 тыс. крестьян. Сопоставление этих двух цифр говорит само за себя. Ленинский призыв в

---

[9] Подробный анализ изменения динамики рабочего класса в составе партии в 20—30-х гг. сделан в статье О. Лациса «Перелом» (Знамя — 1988. — № 6. — С. 161—168). Однако некоторые данные, приведенные автором, неточны.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 19.

партию за первые пять месяцев после его начала дал существенное увеличение в партии рабочих — их удельный вес возрос с 44 до 60%, коммунистами стали 24,6 тыс. рабочих. За счет нового пополнения почти втрое увеличилась партийная прослойка в составе рабочего класса — число коммунистов на каждую тысячу рабочих выросло с 39 до 114.

Однако в дальнейшем эта тенденция пошла на убыль в результате общего количественного роста партии. Уже к XIV съезду ВКП(б) доля рабочих в партии снизилась до 57,4%, в том числе рабочих от станка — до 38—40, а к XV съезду — до 56,3, в том числе рабочих от станка — до 37,5%. Партийная перепись 1927 г. показала, что рабочих в рядах ВКП(б) насчитывалось всего 30%. К этому надо добавить такие данные: в 1928 г. коммунисты с дореволюционным стажем составляли 1% от всей численности партии, участники Октябрьской революции и гражданской войны — 32,6%, остальные вступили в нее после 1921 г. Только к 1937 г. удельный вес рабочих немногим превысил половину численного состава партии.

О чем говорят приведенные цифры?

Во-первых, о том, что недостаточно высокий или недопустимо низкий удельный вес рабочих в составе партии большевиков к концу 20-х гг. не только не отвечал задачам успешного руководства со стороны партии процессом строительства социализма на путях нэпа, но и был той почвой, которая способствовала сосредоточению необъятной власти в руках одного лица, ибо воспрепятствовать этому могли коммунисты-рабочие, обладающие коллективистской психологией, навыками борьбы за новое общество. К тому же положение усугублялось наплывом в партию мелкобуржуазных элементов — крестьян и рабочих из вчерашних крестьян.

Во-вторых, изменение классового состава партии в сторону уменьшения ее пролетарского ядра произошло в результате действия не только объективных причин — расширения классовой базы строящегося социализма, но и в результате целенаправленной работы самого генсека, а также члена Политбюро Зиновьева и секретаря ЦК Молотова, открывших шлюзы процессу чрезмерного расширения численности партии за счет непролетарских элементов.

В-третьих, все эти действия в итоге вели к размы-

ванию старого ленинского костяка партии, снижению воздействия большевистской гвардии на партийную массу. В целом указанное явление сыграло роковую роль в судьбах строительства социализма в СССР.

Нельзя не отметить, что социально-политическая обстановка в стране, положение внутри партии в одинаковой мере благоприятствовали установлению единоличного руководства как Сталина, так и Зиновьева, Каменева, тем более Троцкого. Все они были и оставались, по меткому выражению первого советского историка М. Н. Покровского, *«военными коммунистами»* и, добавим от себя, были родом из этой политики. Отсюда проистекала их непоколебимая уверенность в том, что «то, что дало такие блестящие результаты по отношению к колчаковщине и деникинщине, поможет справиться со всеми остатками старого в любой иной области»[11]. Дело усугублялось тем, что «военно-коммунистическая» идеология и практика захватили многих коммунистов, они импонировали многим «полурабочим» и рабочим, выдвинувшимся в партийно-государственный аппарат.

Но почему же из названной руководящей четверки в должности генсека утвердился Сталин? К тем объективным обстоятельствам, которые благоприятствовали занятию им этого партийного поста, нужно добавить и следующее: нравственный облик Сталина больше всего пришелся по душе полурабочему, полуинтеллигенту, всегда «тоскующему» по сильной и жесткой власти. Для них он был тем человеком, который умеет найти в данный момент лозунг, завораживающий их кажущейся простотой и ясностью, который способен сводить сложное к схеме, не требующей для восприятия умственного напряжения, который готов отдавать команды, кажущиеся легко выполнимыми. К тому же уже в самом начале пребывания в роли генсека Сталину за короткое время удалось провести на ключевые должности в аппарате ЦК людей, беспредельно ему преданных лично. Уже тогда под руководством генсека было положено начало формированию того «сталинского ядра», которое вскоре и осуществит деформацию ленинизма.

Субъективные факторы, вообще играющие большую роль в деятельности Коммунистической партии как по-

---

[11] Покровский М. Советская глава нашей истории // Коммунист. — 1988. — № 16. — С. 87.

литической организации, имели без преувеличения огромное значение для возникновения и утверждения господства Сталина.

Основополагающим для понимания роли субъективного фактора в возвышении Сталина, истоков последующего его единовластия является анализ (хотя бы краткий) всей совокупности ленинских трудов, составивших его «Политическое завещание», которые, по справедливому замечанию Н. И. Бухарина, являются органическими частями «одного большого плана ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной перспективы»[12]. Особое место среди этих трудов занимает «Письмо к съезду». О Сталине сказано в основном тексте «Письма» от 24 декабря 1922 г. и специально — в добавлении от 4 января 1923 г. Кроме того, о Сталине же говорится в ленинской статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации», в некоторых письмах, написанных Лениным в последние полтора года жизни.

Предварительно заметим, что в логику ленинских рассуждений можно проникнуть при одном непременном условии: характеристику Сталина необходимо соотнести с главным, что особенно беспокоило и заботило тогда Ильича, — с обеспечением «прочности» и «устойчивости» правящей в стране Коммунистической партии. И еще одно. Можно считать, что все «Завещание» содержит в себе как бы три взаимосвязанных аспекта: содержание и методы строительства социализма в СССР; принципы укрепления единства партии коммунистов как гаранта этого созидания; направления пути упрочения народовластия, его демократических и нравственных устоев.

Итак, обратимся к ленинским документам. В «Письме к съезду» сказано: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»[13]. На чем основаны эти утверждения Ленина?

Сталин был утвержден генсеком на Пленуме ЦК РКП(б), состоявшемся назавтра после XI съезда пар-

---

[12] Бухарин Н. И. Политическое завещание Ленина. Избранные произведения. — М., 1988. — С. 419.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 345.

тии — 3 апреля 1922 г.[14], по рекомендации Л. Б. Каменева председательствовавшего на Пленуме и, очевидно, не без ведома Ленина[15]. Утверждение Сталина генсеком прошло единогласно. В ведении генсека находились в то время функции аппаратной работы в Секретариате ЦК, а также все расширяющаяся функция подбора и расстановки кадров, или, говоря современным языком, Сталин ведал вопросами организационно-партийной работы. Ее роль особенно возросла после кончины Ленина.

Перечень только этих обязанностей генсека дает основание не согласиться с мнением, что данная должность в партии в начале 20-х гг. не имела важного значения и рассматривалась как второстепенная и т. п.[16] Это не соответствует действительности. Да и сам Сталин с его далеко идущими планами вряд ли согласился бы на такой пост. Но сказанное не противоречит тому, что Секретариат подчинялся Политбюро и Оргбюро ЦК, а функции секретарей ЦК первоначально были не столь обширными, какими они стали в дальнейшем.

Более сложный вопрос — почему именно Сталин стал Генеральным секретарем ЦК? Можно высказать на этот счет несколько предположений.

После Октября Сталин выдвинулся в качестве одной из видных фигур в руководстве партии. Об этом свидетельствуют следующие факты: он постоянно избирает-

---

[14] История «восхождения» Сталина на пост генсека довольно полно изложена Д. Волкогоновым в работе «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина» (Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 16—23). В данной брошюре внимание сосредоточивается главным образом на некоторых новых аспектах проблемы и ее дискуссионных моментах.

[15] Об этом свидетельствуют такие данные: Ленин участвовал в работе данного Пленума ЦК, он просмотрел его повестку дня, дополнил ее рядом пунктов и внес написанный им проект постановления об организации работы секретариата ЦК (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. — М., 1982. — Т. 12. — С. 267). Назначения на Пленумах ЦК тогда принимались открытым голосованием, и нигде не зарегистрировано, что Ленин голосовал против или воздержался. В протоколе Пленума рукой Ленина сделана такая запись: «Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях». (См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 18).

[16] См.: Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. — 1989. — № 1. — С. 173.

ся членом Политбюро ЦК с момента его создания, является постоянным членом и фактическим руководителем Оргбюро ЦК, ему доверяется возглавлять сразу два наркомата — Наркомнац и Рабкрин, а также представительство ЦК в ВЧК—ОГПУ (член коллегии), он назначается членом Совета Труда и Обороны и Реввоенсовета Республики. В период партийных дискуссий о Брестском мире, профсоюзах и с Троцким в 1923 г. и других, менее известных, он в конечном итоге голосовал за ленинские платформы, правда, не без предварительного учета расстановки сил в ЦК и партии в целом. Все это, вместе взятое, дало основание Ленину назвать его одним из двух «выдающихся вождей» тогдашнего (1922—1923 гг.) Центрального Комитета партии. Наконец, Ленин в «Письме к съезду» предлагал не «отсечь» Сталина от руководства в партии, а «переместить» с должности генсека, т. е. освободить Сталина от поста генсека, но сохранить его в руководстве партии.

В качестве объяснения, почему Сталин стал генсеком, зачастую выдвигается тот довод, что Каменев вместе с Зиновьевым желали иметь руководителем аппарата ЦК своего подручного и послушного человека [17]. Для доказательства выдвигается положение, что Каменев и Зиновьев якобы считали, что Сталин сосредоточится на orгработе, а политическое руководство останется за ними, тем более что Каменев председательствовал на пленумах и заседаниях Политбюро ЦК. Каменев стремился утвердить Сталина на вновь учрежденный пост с согласия последнего, поскольку тому «нравилась» работа в партаппарате.

Думается, этого недостаточно для понимания причин, по которым Сталин стал генсеком. Кроме желания Каменева, было еще сильное, хотя и скрытое стремление самого Сталина занять этот пост, ибо он понимал, какие возможности и горизонты будут открыты для него. Нельзя сбрасывать со счетов и возможную подготовительную работу, проведенную Сталиным. Обратим в связи с этим внимание на то, что на Пленуме ЦК 3 апреля 1922 г. в числе других присутствовали уже к тому времени крепко с ним спаянные люди — В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев, А. А. Андреев,

---

[17] См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 17, 18.

Е. М. Ярославский, Г. К. Орджоникидзе. Сталин смог закрепиться в должности генсека и ввиду длительного отсутствия в Политбюро Ленина из-за его болезни.

Теперь коснемся вопроса о сосредоточении огромной власти в руках Сталина.

Предоставленными на новом посту возможностями Сталин воспользовался сполна уже в первые 8—9 месяцев, тем более что в то время в Уставе и других документах партии отсутствовала регламентация обязанностей генсека[18]. Пост генсека давал Сталину большие преимущества. И дело не только в подборе преданных кадров, что само по себе было крайне для него важным. Существовало еще несколько дополнительных «выгод» при решении политических и организационных задач: нейтрализация колеблющихся членов партийного руководства, перетягивание на свою сторону (на сторону генсека) партийных лидеров, недостаточно искушенных в политической работе, последнее слово в происходящих спорах и столкновениях мнений и т. д.

За небольшой отрезок времени до смерти Ленина Сталин сконцентрировался главным образом на создании такого партийно-государственного аппарата, на который он мог всецело опереться, в целях установления своей личной диктатуры. Уже на XII съезде в Организационном отчете Центрального Комитета РКП(б) Сталин попытался даже теоретически обосновать свою линию. Он ратовал не за демократические принципы партийной деятельности на местах, а за создание «спаянного и сплоченного ядра»[19], которым можно было манипулировать в интересах «главного руководителя». Все это сумел разглядеть Ленин, и это вызвало у него большие опасения.

Заслуживает внимания еще один аспект, связанный с деятельностью Сталина, идущий вразрез с идеями Ленина.

XII съезд РКП(б), на котором Ленин не присутствовал, пополнил состав Центрального Комитета. Среди новых членов и кандидатов не было рабочих от станка. Это были рабочие по происхождению, бывшие рабочие,

[18] Пункт об избрании генсека не был записан в Уставах партии вплоть до 1966 г.; впервые это положение зафиксировал XXIII съезд КПСС, но функции и обязанности его по-прежнему не были определены.

[19] См.: Сталин И. В. Соч. — Т. 5. — С. 216.

но к 1923 г. ставшие руководителями партийных и советских учреждений. Знал ли об этом Ленин, когда писал свои «Письма»? Трудно ответить на этот вопрос определенно. Но то обстоятельство, что он об этом догадывался, подтверждает его предложение об увеличении состава ЦК за счет рабочих до 50—100 человек[20].

В неразрывной связи с постановкой вопроса о сосредоточении огромной власти в руках Сталина находится ленинская оценка качеств его характера. Если другим членам Политбюро Ленин дал характеристики политического плана, то Сталину, прежде всего, — плана бытового. И здесь, безусловно, сыграло роль общение Ленина со Сталиным в месяцы болезни, а также обобщение всего того, что ему было известно о Сталине из рассказов товарищей, и того, что не могло иметь решающего значения прежде, теперь в совокупности с другими факторами из деятельности генсека приобрело особую значимость.

В добавлении к «Письму», сделанному 4 января 1923 г., Ленин отмечает: «Сталин слишком груб». И через несколько строк продолжает: он недостаточно терпим, лоялен, вежлив, внимателен по отношению к товарищам по партии. Говорится и о его капризности. Считая, что и этот «набор» недостаточен, Ленин добавляет: «...и т. д.».

Дальнейшие рассуждения Владимира Ильича на этот счет таковы: эти недостатки могут показаться «ничтожной мелочью». Но эта «мелочь» приобретает особый смысл по двум по крайней мере обстоятельствам: недостатки Сталина, будучи нравственными категориями, «нетерпимы в должности генсека», нетерпимы и с точки зрения «взаимоотношений Сталина и Троцкого», «предохранения партии от раскола»[21].

Еще одна сторона характера Сталина, отмеченная Лениным, состояла в торопливости и увлечении администраторской стороной дела. Характерно, что в этом же Ленин укорял и Троцкого и Пятакова. Под администраторским увлечением Ленин, на наш взгляд, понимал недостаточный учет политического аспекта партийно-государственной работы. Это Ленин специально подчеркнул,

---

[20] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 343.
[21] См.: там же. — С. 346.

имея в виду Пятакова, отметив, что на него нельзя положиться «в серьезном политическом вопросе». Что касается торопливости Сталина, то можно здесь говорить о революционном нетерпении, надеждах на быстрые перемены в обществе, которые были тогда у советского народа, и они в последующие годы с большим эффектом эксплуатировались Сталиным в корыстных личных целях. Нетерпение в подходе к историческому процессу, пренебрежение историческими закономерностями всегда, как известно, чревато огромными потерями для народа.

В статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» Ленин выявил еще некоторые качества характера Сталина в связи с допущенными им серьезными ошибками в национальном вопросе. Ленин писал об «озлобленности» Сталина против пресловутого «социал-национализма». «Озлобление вообще,— замечал Ленин,— играет в политике обычно самую худую роль»[22].

Некоторые авторы склонны считать, что озлобленность Сталина проистекала из фактов его дооктябрьской биографии — на его счету было семь арестов и пять побегов[23]. Но такой жизненный путь подпольщика, как известно, был характерен и для многих других революционеров, не ожесточившихся, однако, при этом. Но у Сталина было нечто и другое: неуважение к человеческой личности, отрицание достоинства, гуманистической ценности и исключительности каждого человека. Подчеркнем еще раз слова Ленина: озлобленность «играет в политике обычно самую худую роль». Так на самом деле и получилось.

Исследуя характер Сталина, обратим внимание и на такую его особенность: он был ревнив и завистлив к своим товарищам по партии и работе, ненавидел тех, кто по интеллектуальному уровню был выше него. Отсюда вытекало по крайней мере два негативных следствия: он накрепко запомнил, что В. И. Ленин назвал «выдающимися вождями» ЦК Сталина и Троцкого, но при этом о Троцком было сказано, что «он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК»[24], что любимцем партии, по словам Ленина, был не он, Сталин, а Буха-

---

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 357.

[23] См.: Волкогонов Д. Феномен Сталина // Литературная газета. — 1987. — 9 декабря.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 345.

рин. Запомнил накрепко и то, что положительно характеризовались и другие руководители партии. Это со временем трансформировалось у Сталина в навязчивую идею: ни один деятель, кроме него самого, не должен стоять выше в руководстве партии, поэтому у него, Сталина, не должно быть ни явных, ни потенциальных противников, они должны быть «изжиты», что других, кроме его самого, взглядов в партии не должно быть, они, попросту, не имели права на существование. Сталин часто приписывал себе впоследствии заслуги им же опороченных деятелей партии, брал на вооружение их теоретические разработки. Все это предпринималось для того, чтобы попытаться поставить себя в один ряд с Лениным.

К отрицательным качествам Сталина необходимо добавить и еще некоторые, которые не успели «выйти наружу» в полной мере в 20-х гг., но прямо вытекали из данной ему ленинской характеристики. Сталину были свойственны вера в свою непогрешимость, зачисление в противники, а затем и во «врагов» партии и государства всех, кто был несогласен с его идеями, взглядами, он, как никто другой, был мстителен и вероломен, но при этом годами учился и, надо сказать, в совершенстве научился скрывать свои подлинные чувства и замыслы. Это было особым проявлением в новых условиях макиавеллизма.

Сталин заключал беспринципные соглашения, создавал блоки, группировки, умело играя на личных недостатках и просчетах видных деятелей партии, сталкивая их, что называется, лбами, при помощи одних устраняя других. Верно подмечено, что он был человеком, который своих врагов уничтожал руками своих врагов. Все это говорит о политическом интриганстве, изощренно применявшемся на практике. Это делалось во имя амбициозных целей. Указанные качества Сталина «во всем блеске» проявились во второй половине 20-х—30-х гг.

В развернувшейся в современной литературе полемике о Сталине зачастую возникает вопрос о масштабе его личности. Мнения на этот счет высказываются полярно противоположные. Объективная ленинская характеристика свидетельствует, как уже говорилось, что Сталин был одним из «выдающихся вождей современного ЦК». Он действительно был крупным организатором, умелым и даже талантливым систематизатором чужих

идей, выстраиваемых им в логически легко воспринимаемую недостаточно подготовленным читателем и слушателем систему взглядов. Он был также целеустремлен в достижении поставленных целей, но, конечно, в первую очередь главной из них — утверждении собственного единовластия. Но также верно и то, что, освобожденный от таких качеств, как честь, совесть, товарищество, гуманизм, которые немаловажны для политика, Сталин, если можно так выразиться, был выдающейся личностью, но личностью со знаком «минус».

Вровень со Сталиным в параметрах положительных стояли А. И. Рыков, М. В. Фрунзе, Я. Э. Рудзутак, Ф. Э. Дзержинский, их нагонял С. М. Киров.

Дело не только в ошибках Сталина, ошибки могли, говоря гипотетически, быть допущены (возможно, в другом варианте) и другими деятелями партии. Однако ошибки Сталина почти всегда были связаны и со своеобразной «методологией» его деятельности, в общем-то, известной в политической истории: декларировать одно, а делать обратное. Но тяжесть сталинских ошибок и просчетов во много крат усиливалась, «накладываясь» на его безнравственность. Это было свойственно всей деятельности Сталина, но особенно в грубом виде проявилось начиная с конца 20-х гг.

Совокупность политических и человеческих качеств Сталина, которые Ленин связал воедино с точки зрения того, как они могли сказаться на дальнейшей жизни партии, дало ему основание для вывода о необходимости обдумать способ его «перемещения» с поста генсека и назначить «на это место другого человека»[25].

Закономерен и такой вопрос: почему Ленин только в добавлении к своему «Письму» 4 января 1923 г. ставит вопрос о Сталине, обойдя его в основном тексте от 23 декабря 1922 г. и в продолжении от 24 декабря к нему? Что случилось за эти две недели?

Руководствуясь формальной логикой, можно было бы сказать, что два обстоятельства повлияли на формулирование вывода Ленина: оскорбление Сталиным Крупской и так называемое «грузинское дело». Но Ленин узнает о разговоре Сталина с Крупской только в начале марта 1923 г. «Грузинское дело» также связано с этим месяцем. Так что же? Почему Сталин два меся-

---

[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 346.

ца молчал и не счел необходимым извиниться перед Крупской, хотя и понимал, к каким последствиям это может привести?

Обратимся к «Биографической хронике В. И. Ленина» и «Дневнику дежурных секретарей В. И. Ленина». В биохронике зафиксировано, что Сталин в 1923 г. Горки не посещал, хотя до этого — в 1922 г. был там 15 раз. Последний раз Сталин посетил Ленина 13 декабря. Для сравнения скажем, что Каменев был у Ленина в 1922 г. 16 раз, Зиновьев — 4, Бухарин — 1. Не зафиксированы посещения Ленина Троцким. Никто, вероятно, не узнает, о чем говорили Ленин и Сталин во время бесед. Но логика развития дальнейших событий не исключает того, что Ленин все больше убеждался в том, что Сталин не тот деятель, который может заменить его в руководстве партией.

Не исключено, что Ленин понял, что предложенные им первоначально (в декабре 1922 г.) меры по предотвращению раскола ЦК, усилению деятельности Центрального Комитета и недопущению бюрократизации партаппарата не принесут должного эффекта из-за той огромной власти, которую сосредоточил в своих руках Сталин. К этому добавилось также постыдное укрывательство Сталиным от Ленина материалов по «грузинскому делу», колеблющаяся позиция Сталина по вопросу о монополии внешней торговли, которой Ленин придавал большое значение в решении задач социалистического строительства.

Особо следует отметить попытку Сталина вместе с Зиновьевым и Каменевым изолировать Ленина во время его болезни от ЦК и всей партии. Сталин, на которого решением Пленума ЦК от 18 декабря 1922 г. была возложена персональная ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для больного Ленина, всячески ограничивал его информацию о жизни партии и государства, создал такую атмосферу, которая не только не способствовала диктовке «Ленинского завещания», но и сильно его нервировала, мешала выздоровлению и в конечном итоге объективно ускоряла его уход из жизни [26].

---

[26] Об этом свидетельствуют, например, многие записи в «Дневнике дежурных секретарей». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45. — С. 477, 485, 486 и др.; Т. 54, — С. 329—330, 674—675.

В этот же сюжет вписывается и история с публикацией статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» тиражом... в один экземпляр — специально для Владимира Ильича. Ленин настоял на своем. Статья появилась в «Правде». Однако вскоре, 27 января 1923 г. Политбюро и Оргбюро ЦК в циркуляре всем губкомам партии за подписью Андреева, Бухарина, Дзержинского, Калинина, Каменева, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Сталина, Томского, Троцкого сообщали, что Ленин пишет свои последние работы, будучи оторванным от партии, не читает протоколов Политбюро, газеты. Подчеркивалось, что его работы, названные «Дневником», появляются на страницах печати только по его настоянию. Из той же статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» были в дальнейшем изъяты слова о том, что в партии даже генсек не может быть вне контроля партии, чем, конечно, воспользовался прежде всего Сталин.

Высказав мысль о перемещении Сталина, Ленин, как известно, сам не предложил кандидатуру на эту должность. В чем причина этого? Этот вопрос сегодня оживленно обсуждается в печати и устных выступлениях. Выскажем свои соображения. Но прежде согласимся с мнением, что до сих пор не найдено документального доказательства, что Ленин имел в виду выдвинуть на пост генсека Я. Э. Рудзутака, М. В. Фрунзе или Ф. Э. Дзержинского, которые к тому времени уже входили в руководящее ядро партии. Трагедия состояла в том, что заменить Ленина никто из них не мог.

Д. Волкогонов полагает, что в начале 20-х гг. Сталину никто не мог противостоять, что отсутствовала альтернативная фигура. В его статье читаем: «Других лидеров у нас не могло быть, так как Сталин был, пожалуй, наиболее последовательным и верным защитником курса партии на утверждение и укрепление первого в мире социалистического государства». И дальше — больше: «Во время борьбы за выживание нового строя исключительное значение имела целеустремленность и политическая воля лидера. **Здесь, пожалуй, Сталину после Ленина не было равных»**[27] (Подчеркнуто нами. — *А. З.*).

---

[27] Волкогонов Д. Феномен Сталина // Литературная газета. — 1987. — 9 декабря.

По нашему мнению, Д. Волкогонов не прав. И вот почему. Большинство исследователей считает, что Ленин имел в виду осуществление коллективного руководства в партии и государстве, и в первую очередь в Политбюро и Секретариате ЦК, а также рассредоточение ряда функций, выполняемых Сталиным, среди других секретарей ЦК при координирующей роли генсека. Эта мысль обычно подкрепляется ссылкой на два предложения Ленина: об увеличении состава ЦК до 50—100 человек за счет представителей рабочего класса, которые присутствовали бы «на **всех** заседаниях ЦК, на **всех** заседаниях Политбюро (подчеркнуто нами. — *А. З.*), читая все документы ЦК», и о реорганизации рабоче-крестьянской инспекции путем соединения ее с Центральной Контрольной Комиссией партии и придания вновь избранным членам ЦКК из рабочих функций и прав членов ЦК [28].

Ленин поэтому полагал, что Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и Пятаков будут находиться под постоянным контролем ЦКК, что, возможно, позволит предотвратить раскол и наладить коллективное руководство. Г. Е. Зиновьев в Политическом отчете ЦК XII съезду говорил: «Нам придется заменить указания Владимира Ильича коллективной работой». Эти меры должны были послужить достаточной базой для противодействия сосредоточению необъятной власти в руках одного лица, его стремлению встать над партией и народом.

Почему все же Сталин остался на посту генсека? Это получилось потому, что Центральным Комитетом не было принято необходимых мер по реализации ленинских предложений, более того, ряд из них просто игнорировался. События, связанные со Сталиным, развивались в такой последовательности.

18 мая 1924 г., за пять дней до открытия XIII съезда партии, Н. К. Крупская передала комиссии ЦК 13 записей Ленина, в том числе и «Письмо к съезду» с добавлениями к нему от 4 января 1923 г. По поводу этого документа в протоколе передачи специально оговаривалось: «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда».

---

[28] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 348, 384.

Ленинские документы после их размножения были переданы членам Политбюро ЦК — Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву, А. И. Рыкову, И. В. Сталину, М. П. Томскому, Л. Д. Троцкому и кандидатам — Н. И. Бухарину, М. И. Калинину, В. М. Молотову, Я. Э. Рудзутаку. С ними были также предварительно ознакомлены члены и кандидаты в члены Оргбюро ЦК, не входившие в Политбюро, — А. А. Андреев, Ф. Э. Дзержинский, И. А. Зеленский, И. И. Коротков, В. М. Михайлов.

В дни перед открытием XIII съезда Сталин, Зиновьев и Каменев сговорились не допустить зачтения ленинского завещания на съезде. 21 мая 1924 г., накануне съезда, на Пленуме ЦК РКП(б) с сообщением комиссии по приему бумаг Ленина выступил Каменев. Единогласно было принято решение: «**Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям** (подчеркнуто нами. — *А. З.*) и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича»[29]. Этот документ, на наш взгляд, носит отпечаток какого-то компромисса. Его можно было толковать по-разному: с одной стороны, выполняется воля Ленина — зачитать «Завещание» на съезде, а с другой — оно оглашается по делегациям. На последнее и рассчитывали его составители.

На XIII съезде «Письмо к съезду» было зачитано по делегациям. Характерна и такая деталь: в докладах Зиновьева и Сталина на съезде ленинское «Завещание» не упоминалось, что соответствовало их предсъездовскому сговору. В противовес ленинскому «Завещанию» Зиновьев и Каменев предложили оставить Сталина на посту генсека. В поддержку сохранения статус-кво в отношении Сталина выступили Ворошилов, Микоян, Орджоникидзе и, очевидно, другие видные деятели партии. Мотивировки сводились к следующему: 1) необходимо сохранить Сталина, чтобы изолировать Троцкого с его претензиями на руководство партией и страной, которые явственно проявились во время дискуссий 1923 г.; 2) Троцкий ведет травлю Сталина и необходимо поэто-

---

[29] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 594 (прим.).

му сплотиться для борьбы с этими инсинуациями, которые не на пользу партии. Одновременно было принято решение не оглашать текст «Завещания» Ленина[30].

С XIII съезда усиливается борьба за власть, за лидерство в партии. Борьба эта имела несколько драматических этапов и периодов, свои пики, приливы и отливы, в центре ее находились Сталин, Зиновьев и Каменев — члены так называемого «триумвирата». Участие в нем давало Сталину возможность не только получить поддержку со стороны авторитетных членов Политбюро, но и связать их со своим именем, а в дальнейшем — дискредитировать.

В подтверждение этого говорят такие факты.

Сталину через Л. А. Фотиеву еще при жизни Ленина стало известно (не полностью) «Письмо к съезду», содержавшее далеко не лестные характеристики каждого из «триумвиров», обнародование которых могло привести к падению их авторитета в партии. Объединение сил могло, с их точки зрения, компенсировать возможные для них в будущем провалы. Зиновьев недаром назвал «триумвират» неким «ядром» ЦК партии. На XIV съезде он говорил: «Владимир Ильич хворал... Мы должны были первый съезд проводить без него. Вы знаете, что были разговоры о сложившемся ядре в Центральном Комитете нашей партии, что XII съезд молчаливо согласился на том, что это ядро и будет вести, конечно при полной поддержке всего Центрального Комитета, нашу партию, пока встанет Ильич». Зиновьев говорил осторожно, понимая, что пока «жив Ильич», нельзя выставлять открыто, напоказ свои амбициозные планы. О «ядре» в ЦК довольно часто говорил и Сталин, правда, не так откровенно, как Зиновьев, считая, что в ядро войдет 10—15 человек.

Каждый из членов «триумвирата» преследовал свои особые, и не в последнюю очередь личные, цели. Поддержка Зиновьевым и Каменевым Сталина на XIII съез-

---

[30] Небольшая часть ленинского «Письма», касающаяся одной черты характера Сталина — грубости, была им обнародована накануне XV съезда ВКП(б) на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 г. Сталин сопроводил эту ленинскую характеристику словами о том, что он действительно груб, но груб он по отношению к тем, кто грубо и вероломно разрушает партию. О сосредоточении в его руках необъятной власти он предпочел не говорить.

де партии была обусловлена далеко не принципиальными соображениями. Они исходили из своих политико-эгоистических соображений, не видя тогда в фигуре Сталина для себя серьезного соперника в борьбе за власть. Прав, думается, А. И. Микоян, писавший впоследствии, что Зиновьев и Каменев «предпочли скорее сохранить его (Сталина. — *А. З.*), чем выдвинуть кого-либо из более авторитетных, чем Сталин, руководителей партии, имевших престиж в качестве теоретиков и идеологов»[31].

Зиновьев и Каменев, будучи в интеллектуальном и теоретическом отношении гораздо выше Сталина, рассчитывали на то, что им удастся оставить Сталина на второстепенной роли, которую тот играл при жизни Ленина, а они сами заменят Ленина, при «ручном» Сталине. Это был глубочайший и серьезнейший просчет не только в смысле недооценки качеств Сталина, но непонимания той социально-экономической и политической обстановки, которая благоприятствовала сосредоточению необъятной власти в руках Сталина. Зиновьев и Каменев не учитывали и тот факт, что так называемый октябрьский эпизод, который, по словам Ленина, для них «не являлся случайностью», был широко известен в партии. Несмотря на временный блок Сталин—Зиновьев—Каменев, между ними не прекращалась подспудная борьба за лидерство. Для себя же они на XIII съезде отлили ту пулю, которая догнала их на излете 1936 г.

Еще одна деталь: Зиновьев и Каменев знали содержание письма Ленина в адрес Сталина от 5 марта 1923 г., связанного с оскорблением последним Н. К. Крупской. В ультимативной форме Ленин писал, что он, в случае если Сталин не извинится перед Надеждой Константиновной, «не намерен забывать так легко то, что против меня сделано»[32]. Будучи осведомленными, по всей видимости, и о ленинском «Письме к съезду», они все же пошли против воли Ильича.

Сталин с самого начала создания «триумвирата» поставил в центр своей деятельности достижение полного единовластия. Эта всепожирающая страсть подавляла в нем все присущее человеку — любовь, дружбу, товарищество, родственные и другие чувства.

---

[31] Микоян А. И. В первый раз без Ленина // Огонек. — 1987. — № 50. — С. 5.

[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 330.

Ключевым средством достижения этой цели являлось овладение партийным и государственным аппаратом. Овладеть аппаратом, имевшем при Ленине свои традиции, известный демократизм, было лишь первым шагом. Требовалось его переделать, преобразовать в духе «ордена меченосцев», чтобы подчинить своим далеко идущим планам. В этом отношении показательны данные о численности аппарата ЦК при Сталине. Если в ноябре 1917 г. аппарат Секретариата ЦК насчитывал меньше 30 человек, а в конце марта 1920 г. — 150 человек, то через год в нем работало уже 602 человека, не считая военного отряда, состоявшего из 140 бойцов охраны и сотрудников службы связи.

Сталин выработал и применял собственные методы руководства партией. Они состояли в отказе от терпеливого убеждения и разъяснения своих взглядов и действий. Как и любой диктатор, он создал стиль работы, в основу которого было положено насильственное внедрение его предложений, безусловное подчинение его воле. Те же деятели партии, которые выражали свое несогласие со Сталиным или отстаивали собственное мнение, были обречены на удаление из состава руководства, а затем и на физическое уничтожение.

Осуществление своего давнего замысла достижения единовластия было им первоначально глубоко замаскировано и сочеталось с изощренной хитростью и коварством, с точно рассчитанными тактическими маневрами и ходами. Некоторые из них были направлены Сталиным на то, чтобы создать видимость, что он якобы не претендует на лидерство. Более того, он обдуманно продвигал на авансцену политической жизни то Троцкого, то Зиновьева, то Каменева. Приведем некоторые факты.

Апрель 1923 г. — подготовка к XII съезду партии. Становится все более явным, что Ленин не сможет на нем присутствовать и выступить с политическим докладом. Сталин предлагает Троцкому взять на себя подготовку доклада. Его поддержали Каменев и Рыков. Но Троцкий отказался, выдвинув такой аргумент: «Партии будет не по себе, если кто-либо из нас попытается как бы персонально заменить больного Ленина». Политбюро приняло решение поручить подготовку политического доклада Г. Е. Зиновьеву.

Май 1924 г. Между Зиновьевым и Сталиным, как уже отмечалось, накануне XIII съезда РКП(б) состоя-

лось своеобразное соглашение: «Сталин одобрил выдвижение Зиновьева основным докладчиком на XIII съезде и таким образом как бы продвигал этого честолюбивого и беспринципного человека на роль лидера партии. В свою очередь, Зиновьев и Каменев должны были отстоять на съезде для Сталина пост генсека»[33]. Утверждение Сталина генсеком было и победой «триумвиров».

Понимание соотношения сил, сложившегося в Политбюро и ЦК в 1922—1923 гг., будет неполным, если не коснуться вопроса о роли и месте в нем Л. Д. Троцкого. Нельзя забывать, что Ленин, имея в виду его «небольшевизм», характеризовал его при этом как «самого способного человека в настоящем ЦК»[34]. Ленин здесь не поставил точку. Он также отметил, что Троцкий — человек, «чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»[35]. Следует сказать и о том, что Ленин понимал, что неуважение Сталина и Троцкого друг к другу перерастает в личную ненависть, и это полностью подтвердила вся дальнейшая борьба в партии.

Можно согласиться с мнением Д. Волкогонова о том, что «бонапартистские амбиции» (Троцкого. — *А. З.*) были так сильны, что он «рассчитывал на особое положение»[36] — на пост руководителя страны. Троцкий и его сторонники в партии и Красной Армии считали, что основанием для этого является его роль в Октябрьской революции и гражданской войне, его личные качества организатора и трибуна. Но они на деле оказались в проигрыше, крупно ошиблись в вопросах о сущности и тактике борьбы, развернувшейся после кончины Ленина. Самонадеянная вера Троцкого в свою популярность, в то, что он и только он способен заменить Ленина и потому партия должна пойти к нему на поклон, была использована Сталиным в целях установления единовластия. К тому же в своих притязаниях Троцкий был одинаково опасен как для Сталина, так и для Зиновьева и Каменева.

Борьба Сталина, Зиновьева, Каменева и Троцкого

---

[33] Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. — 1989. — № 1. — С. 176.

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 345.

[35] Там же.

[36] См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 29.

не означала, что все они (и каждый из них в отдельности) стремились только утвердить свое лидерство, хотя это было и главным во взаимоотношениях между ними. Это их противоборство развертывалось на фоне различных, часто противоположных, подходов к вопросам о судьбах социализма в СССР. Поэтому будет вернее сказать, что в 20-х гг. в руководстве партии происходила ожесточенная схватка по двум, тесно переплетавшимся между собой направлениям: по вопросам о путях строительства социализма и за установление личного безраздельного руководства в партии и государстве.

Сыграло свою роль в этом противоборстве и такое обстоятельство, как совпадение позиций Ленина в последний период его жизни и Троцкого по ряду крупных вопросов государственной жизни. Об этом свидетельствуют, например, следующие факты: 15 декабря 1922 г. Ленин в письме в адрес Сталина для членов ЦК заявлял о своей уверенности в том, что по вопросу о монополии внешней торговли «Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я»[37]. Заметим в скобках, что первоначально Сталин не поддерживал в этом вопросе Ленина. Далее. Через 12 дней, 27 декабря, в статье «О придании законодательных функций Госплану» Ленин напоминал, что эта идея выдвигалась Троцким «уже давно» и сейчас он, Ленин, с ним согласен, считает, что «тут есть здоровая мысль»[38]. А немногим спустя два месяца Ленин просил Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», ибо, как пояснял Владимир Ильич, «дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие»[39].

В свою очередь, Троцкий сам и через своих сторонников стремился использовать это выгодное для себя обстоятельство. Им усиленно муссировались слухи, что Ленин имел в виду, что именно он должен стать во главе партии и государства. Одно из таких свидетельств приводится в записях Е. М. Ярославского о его последней встрече с Лениным. Автор ссылается на свою беседу с редактором журнала «Молодая гвардия» Л. Авербахом, которому Троцкий рассказал, что в конце 1922 г.

---

[37] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 339.
[38] Там же. — С. 349.
[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 329.

Владимир Ильич «убеждал т. Троцкого вступить с ним, Лениным, в блок с тем, чтобы изменить руководство ЦК», что «Л. Д. (Троцкий. —*А. З.*) **уверял его, что он после смерти Ленина является единственным последовательным проводником ленинской линии против антиленинского ЦК»** [40].

Эти и другие факты были, конечно, известны и Сталину, и Зиновьеву и Каменеву, и они для них и их планов были опасны.

Уже в 1923 г. между «триумвиратом», с одной стороны, и Троцким, с другой, развертывается вначале подспудная, а затем все более открытая борьба, выплеснувшаяся и на страницы партийной печати, а затем и непосредственно в партийные организации.

Можно согласиться с парадоксальным на первый взгляд выводом Д. Волкогонова, что «Троцкий не только недооценил волю и изощренный ум Сталина, но и своими бесконечными выпадами, дискуссиями... невольно поднял авторитет Сталина... По существу, Троцкий сам помог Сталину укрепить его политические позиции» [41].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАМУФЛЯЖ

Одним из условий победы Сталина в борьбе за утверждение единовластия являлось и то, что свою политическую деятельность он умело камуфлировал под беспредельную верность марксизму-ленинизму, выдавал себя за верного последователя и продолжателя великого дела Ленина. Сталин, как никто другой, ловко эксплуатировал доверие коммунистов и беспартийных к теории марксизма-ленинизма, их глубокую преданность ленинской идее. Он прекрасно понимал, что только на этом пути он может завоевать поддержку рабочего класса, широких слоев трудящихся, с тем чтобы опереться на нее в борьбе за монопольное положение в партии и государстве. Важно отметить, что на разных этапах своей

---

[40] Е. М. Ярославский сомневался в возможности разговора, настаивая на том, что Ленин ему ничего не говорил о своих принципиальных расхождениях в Политбюро (см.: Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4. — С. 188).

[41] Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 37.

политической биографии Сталин осуществлял подобный камуфляж не одномерно, не по какому-то раз и навсегда выбранному шаблону, а изобретательно, можно сказать, диалектически, в соответствии с конкретной обстановкой и задачами, встававшими на пути к достижению цели.

Весьма показательно в этом плане заявление Сталина на октябрьском объединенном (1927 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Перечислив многочисленные действительные и мнимые ошибки и недостатки в деятельности Троцкого, Зиновьева и Каменева, которые, по его словам, «не являются «случайностью»... и которые могут и **должны повториться»** (подчеркнуто нами. — *А. З.*), но о себе в третьем лице, как делал это часто, заявил, что у Сталина на этот счет все в порядке, то есть не было, не может быть ошибок и недостатков, которые бы заметил Ленин и партия, ибо, мол, он и только он — верный ленинец. В то же время, понимая, что многие члены ЦК уже знают замечания Ленина в его адрес, он добавил: «Грубость не есть и не может быть недостатком **политической** линии или позиции Сталина» [42]. Последние слова не были случайными (случайно Сталин, кстати, ничего не делал и не говорил).

Всегда ли у Сталина было «все в порядке» в смысле его постоянного единодушия с Лениным? Вспомним лишь некоторые эпизоды из биографии Сталина.

Март 1917 г. Вернувшись из ссылки в Петроград, Сталин становится одним из редакторов «Правды» [43], линия которой с № 9 резко расходилась с ленинскими «Письмами из далека». Более того, газета опубликовала, да и то в сокращенном виде, только первое из ленинских писем. Если Каменев выступал за поддержку Временного правительства в той мере, в какой «действия правительства содействуют развитию революции», то Сталин, например, в статье «О войне» выступил с предложением «давления» на это правительство. Это, по существу, была позиция Каменева. Встает естественный вопрос: почему Сталин занял такую позицию? Ответ на него, на наш взгляд, двуедин. Во-первых, Сталин, как и многие другие большевики, вернувшиеся из ссылок и тюрем, будучи оторванными от революционной бури в Питере и других центрах страны, а также в силу недостаточного знания обстановки и не обладая ленинской прозорливостью в политике, не смогли сразу разобраться в диалектике двоевластия, мыслили во многом категориями первой российской революции, стояли на позициях революционного обо-

---

[42] Сталин И. В. Соч. — Т. 10. — С. 177.

[43] Руководство «Правдой» в это время осуществляли Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и М. К. Муранов.

рончества. Во-вторых, Сталин в то время находился под сильным влиянием Каменева (с ним он вместе вернулся из сибирской ссылки), который фактически выступал за поддержку Временного правительства, поскольку оно якобы боролось с остатками царизма.

Апрель 1917 г. В «Правде», руководимой, как и прежде, Сталиным, публикуется статья Каменева, выражавшая несогласие с Апрельскими тезисами Ленина. В связи с этим небезынтересно заметить, что Сталин, в дальнейшем постоянно пропагандируя своё единодушие с Лениным, напрочь забыл свое собственное признание о событиях до Октября 1917 г., сделанное в 1924 г. Вот оно: «Это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии...»[44].

Конец сентября 1917 г. В статье «Кризис назрел» Ленин пишет, что центральный орган партии, где в редакции по-прежнему состоит Сталин, вычеркивает из многих его (Ленина) статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как решение участвовать в предпарламенте, как предоставление мест меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. п. Ленин считал такое поведение Центрального органа как предложение ему «удалиться»[45] (из руководства партии. — **А. З.**).

Октябрь 1917 г. ЦК РСДРП(б) на заседании 20 октября обсуждает письмо Ленина с требованием об исключении из партии Зиновьева и Каменева в связи с их публикацией в «Новой жизни» статьи Каменева и ее поддержки Зиновьевым, разгласившей план большевиков о вооруженном восстании. Против требования Ленина выступает член ЦК Сталин.

Октябрь 1917 г. 24 октября, накануне Октябрьского вооруженного восстания в газете «Рабочий путь» Сталин публикует статью «Что нам нужно?», где пишет о необходимости созыва Учредительного собрания. И это тогда, когда он сам заявляет о необходимости передачи всей власти Советам. Описка ли это у Сталина? Нет! Скорее всего непонимание сложности ситуации в канун Октября или, возможно, косвенная поддержка позиции Каменева и Зиновьева, выступивших против вооруженного восстания. А может быть, на всякий случай, «про запас» и то и другое?

Декабрь 1922 г. Достигает апогея «великорусско-националистическая кампания Сталина» в связи с так называемым «грузинским делом». В этом деле Сталин, как показал Ленин в статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации», открыто выступил против его плана образования СССР, настаивая на так называемой «автономизации».

Все эти факты, взятые в их совокупности, убедительно говорят о том, что далеко не «все в порядке» было у Сталина в смысле идейного единства с Лениным.

Приведенные примеры в большинстве случаев связаны с открытым неприятием идей Ленина. Но имелась и другая грань подобных акций Сталина. Она состояла в том, что он зачастую, на словах декларируя свою при-

---

[44] Сталин И. В. Соч. — Т. 6. — С. 333.

[45] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 282.

верженность ленинизму, на деле от него отступал, отступал от сердцевины ленинизма. Убедительное этому доказательство — заимствование и реализация Сталиным идей Троцкого по ряду кардинальных вопросов развития страны и партии. Ниже речь пойдет лишь о замаскированном проведении им в жизнь некоторых троцкистских «военно-коммунистических идей».

Известно, что Троцкий на IX съезде партии (март—апрель 1920 г.) выдвинул идею милитаризации народного хозяйства, создания повсеместно «трудовых армий», которые приближались бы по типу своей организации и действий к воинским соединениям. Каждый, воскликнул Троцкий, выступая на съезде, должен считать себя «солдатом труда». Он также сказал: «Мы говорим: это неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях непроизводителен». Съезд, по существу, принял эти предложения Троцкого, что было зафиксировано в его резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства». Эти идеи ничего не имели общего с введенной вскоре на основе решений X съезда РКП(б) ленинской новой экономической политикой.

Сталин, выдавая себя на словах за сторонника нэпа (о своей приверженности к нему он заявлял по крайней мере до второй половины 1930 г.), позднее на деле четко осуществил предложения Троцкого. Достаточно вспомнить историю создания по его указаниям начиная с 30-х гг. и даже раньше многочисленных концентрационных лагерей, где труд миллионов людей был трудом, о котором, по сути, говорил в свое время тот, в ком Сталин видел своего главного противника в борьбе за единовластие, — Л. Д. Троцкий.

Сталин фактически воспользовался концептуальными идеями Троцкого об использовании насилия как одного из ведущих средств осуществления задач строительства общества, которое он называл социалистическим. Под руководством Сталина эти идеи были претворены на практике в нашей стране.

Было бы, однако, неверным думать, что Сталин в своих выступлениях и статьях искал подкрепление своих действий у идейных противников-оппонентов. Наоборот, он их всячески клеймил, пригвождал к позорному столбу. Но это не мешало ему по-иезуитски мастерски воспринимать и воплощать в жизнь их идеи.

Политический и идейный камуфляж у Сталина был зачастую замешан и на прямой угрозе в адрес своих реальных и потенциальных оппонентов. Так, в 1927 г. он сказал о себе опять же в свойственной ему манере: «Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко...»[46] Это не были пустые угрозы! Утверждая свое единовластие, Сталин стремился опереться и на ленинскую мысль об авторитете партийного руководителя. Вспомним, что Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» обосновал положение, что «политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»[47]. Ленин называл это азбукой. Он отдал много сил и энергии делу воспитания, выращивания вождей, которые были бы авторитетными и пользующимися поддержкой партии, но отнюдь не стоящими над ней. Ленинское идейное наследие, материалы его биографической хроники показывают, как много он пытался сделать в плане исправления недостатков в деятельности Сталина, самые опасные из которых для партии и государства не проявились, однако, во всю ширь до 1924 г. Ленинское руководство выступало своеобразным тормозящим фактором в проявлении присущих Сталину отрицательных черт его характера.

Но существовала и обратная сторона медали. Сталин и его ближайшее окружение уже спустя несколько лет после смерти Владимира Ильича воспользовались ленинской характеристикой Сталина как одного из двух «выдающихся вождей», всячески раздували его авторитет. Причем не на указанном выше ленинском принципе, а, по сути дела, упрочивая его лидирующее положение в руководстве партии. Постепенно его лидерство распространялось и на сферу теории — он все больше присваивал себе права монопольного толкователя ленинского учения.

С течением времени Сталин, особенно со второй половины 20-х гг., все больше прибегал к прямому искажению ленинизма.

---

[46] Сталин И. В. Соч. — Т. 10. — С. 172.
[47] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 24.

Извращение ленинизма Сталиным было, на наш взгляд, триединым. Оно включало в себя, во-первых, интерпретацию ленинских идей в соответствии с собственными узкопрагматическими и сектантскими взглядами на процесс строительства социализма в СССР; во-вторых, схематизированный и упрощенческий подход к ленинскому наследию, стремление втиснуть его в прокрустово ложе своего катехизисного мышления и одновременно отсечение всего того, что в него не вмещалось; в-третьих, неадекватную передачу содержания ленинизма, многие положения которого к тому же абсолютизировались. Такое триединство означало: Сталин выбросил из марксизма-ленинизма саму его «живую душу» — диалектику — и заменил ее мертвящей схоластикой.

Подобному подходу к ленинизму соответствовал и «метод» работы Сталина как «теоретика-марксиста-ленинца». При этом нельзя не отметить «специфику» метода, вытекавшую из его прошлого семинаристского образования и уровня мышления. Ленинизм как целостное и развивающееся учение членился Сталиным на отдельные части, параграфы, главки, что открывало дорогу к затушевыванию главного и решающего в этом учении. В отношении концепции социализма, например, замалчивался его гуманистический характер, нацеленность его на человека. Той же цели подчинялся и характер цитирования, широко применявшегося Сталиным (цитирование, заметим, было едва ли не самым важным методом построения его доказательств). Методика цитирования Ленина, например, состояла в следующем: препарированные цитаты зачастую вырывались из общего контекста, порою относящегося к другому событию, к другой исторической обстановке; обильное цитирование ленинского текста по своим же предыдущим статьям и выступлениям, уже содержащим фальсификацию ленинизма.

Такая «методика» приводила к схематизации теории, ее примитивизации с целью подыгрывания недостаточно развитому политическому мышлению. Она же давала возможность широкого заимствования чужих идей, их эксплуатации в собственных целях.

Сталин фальсифицировал ленинскую концепцию строительства социализма в нашей стране, грубо извратил ее сердцевину — учение о диктатуре пролетариата и ее авангарде — партии нового типа.

По мысли Ленина, диктатура пролетариата должна была стать новой формой демократии. За сравнительно короткий срок после Октября было сделано многое для установления подлинно демократического строя в нашей стране. Гражданская война вынудила, правда, во многих местах заменить Советы ревкомами, другими временными органами власти, однако с введением нэпа процесс демократизации общества нарастал. Но условия для реального участия большинства народа в управлении делами страны и производством не могли быть созданы сразу. Имелась питательная почва для деформации народовластия, сохранялась высокая степень концентрации власти в руках государственного аппарата, который к тому же, по словам Ленина, «из рук вон плох», «насквозь еще чужд нам»[48]. Более того, Ленин заявлял в 1922 г., что «не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!!»[49]. Это приводило к огосударствлению общественной жизни, усилению контроля государства над личностью без достаточных гарантий цивилизованных методов управления. Советы выступали органами «для трудящихся», но не «через трудящихся». К тому же по инициативе Сталина происходило и сращивание партийного и государственного аппарата, что являлось угрозой перерождения и первого, и второго.

Уже в первый период своего пребывания на посту генсека Сталин предпринимает немалые усилия для искажения и приспособления к своей, чуждой ленинизму, «концепции» строительства социализма учения Ленина о диктатуре пролетариата. В работах «Об основах ленинизма» (1924 г.) и «К вопросам ленинизма» (1926 г.) он рассматривает Советы, профсоюзы, союзы молодежи и другие массовые организации как разветвление партии, а рабочий класс — как армию партии. Сама же диктатура пролетариата, по мысли Сталина, есть не что иное, как «руководящие указания партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением»[50].

В дальнейшем Сталин «обогатил» учение о диктату-

---

[48] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 347, 357.
[49] Там же. — С. 441.
[50] См.: Сталин И. В. Соч. — Т. 6. — С. 177, 178—179; Т. 8. — С. 39.

ре пролетариата, о построении социализма тезисом о нарастании классовой борьбы. Вот некоторые факты на этот счет, поставленные в хронологический ряд:

июль 1928 г. В речи на Пленуме ЦК Сталин высказывает мысль, будто по мере продвижения страны вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, а классовая борьба — обостряться. Уже здесь формулируется положение, что каждый «сколько-нибудь серьезный успех в области социалистического строительства является выражением и результатом классовой борьбы»[51];

апрель 1929 г. В работе «О правом уклоне в ВКП(б)» Сталин обвиняет Н. И. Бухарина в «непонимании» этого своего «открытия» об обострении классовой борьбы[52];

январь 1933 г. Доклад «Итоги первой пятилетки». Теория «потухания классовой борьбы» объявляется контрреволюционной[53].

И наконец — завершающая формулировка на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): классовая борьба по мере успехов в строительстве социализма обостряется.

Положения Сталина были искажением ленинской идеи о необходимости превратить «классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир»[54]. Свою позицию в этом вопросе Ленин объяснял так: достижение политической власти без классовой борьбы невозможно. Это азбучное положение теории марксизма-ленинизма. После же свержения политической власти эксплуататоров, установления диктатуры пролетариата и передачи в руки рабочего класса средств производства центр тяжести деятельности Коммунистической партии переместится в область мирной организаторской работы. В этой связи Ленин рассматривал и рост кооперации, который, по его словам, «тождественен с ростом социализма».

Другим коренным вопросом ленинизма был вопрос о партии рабочего класса. Расхождение здесь зародилось еще при жизни Ленина. Свое «учение» о партии

---

[51] Сталин И. В. Соч. — Т. 11. — С. 171.
[52] См.: Там же. — Т. 12. — С. 10, 17, 23, 30, 39 и др.
[53] Там же. — Т. 13. — С. 210—211.
[54] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 375.

Сталин обосновал уже в 1921 г. в «Наброске плана брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов». Коммунистическая партия, писал он, представляет собой «своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Это не было случайной оговоркой. В этой же работе писал, что «партия — это командный состав и штаб пролетариата»[55], — как говорится, строка к строке.

Таковой, по Сталину, должна быть партия, действующая только по воле, по приказу своего командира, выполняющая его предначертания. Разумеется, борьба мнений внутри партии, построенной наподобие ордена меченосцев, невозможна, она противоестественна. Симптоматично, что при жизни Ленина и его истинных соратников Сталин не посмел опубликовать это свое «теоретическое откровение». Он решился на публикацию только после Великой Отечественной войны — в 1947 г., когда культ его личности многократно усилился. Минуло со времени написания «Наброска» более четверти века, но стремление придать партии коммунистов характер военизированной организации, лично ему подчиненной, Сталина, как видим, не покинуло.

Чрезвычайно показательны в плане маниакальной идеи Сталина о единовластии и некоторые его мысли о роли личности в истории, неуклонно и систематически преследовавшие их автора в течение всей жизни. Недвусмысленно он выражал их в своих пометках на страницах прочитанных книг и статей, предназначенных, разумеется, не для обнародования. Вот некоторые из них. В книге С. Г. Лозинского «История Древнего Мира» (Пг., 1923), обратившись к разделу «Империя», Сталин подчеркивает слова: «Август Октавиан — первый гражданин, принцеж... верховный правитель». В таком же плане выделяется и место о Цезаре, о котором говорится, что он присвоил титул «вождя-победителя (императора)». Прочитав раздел «Учредительная диктатура Суллы», Сталин обратил внимание и подчеркнул место о проскрипциях — списках лиц, приговоренных к смерти без суда, и объявлении их вне закона. Эти идеи, оказывается, Сталина пристально влекли к себе. Прочитав, например, книгу «Курс русской истории» (Пг., 1916),

[55] Сталин И. В. Соч. — Т. 5. — С. 71, 72.

он сделал немногие, но весьма характерные подчеркивания. Среди них выделяется такое: «Смерть побежденных нужна для спасения победителей». В книге Салтыкова-Щедрина Сталину полюбились слова: «Пишите, мерзавцы, доносы»[56]. И другие пометки и подчеркивания свидетельствуют об одном и том же: Сталину чуждо было ленинское понимание содержания исторического процесса строительства социализма, нравственно-этических основ создаваемого нового общества.

В одной упряжке со Сталиным культ его личности, его образ как «вождя всех народов», «творца всех побед социализма», «гениального мыслителя-теоретика» создавали и многие деятели из его окружения и др. Разгул славословия в адрес «вождя» начался еще в конце 20-х гг. и продолжался, не утихая, до самой его смерти.

Первым подходящим поводом для этого был избран 50-летний юбилей генсека в 1929 г., прошедший под знаком: «Сталин — это Ленин сегодня».

21 декабря 1929 г. «Правда» под общим заголовком «Верный продолжатель дела Маркса и Ленина» опубликовала статьи: Кагановича — «Сталин и партия», Орджоникидзе — «Твердокаменный большевик», Ворошилова — «Сталин и Красная Армия», Калинина — «Рулевой большевизма», Микояна — «Стальной солдат большевистской гвардии», Енукидзе — «Отрывки воспоминаний» и др.

Вот некоторые характерные строки из этих «произведений».

Л. М. Каганович: «Самой замечательной и характерной чертой т. Сталина является именно то, что он на протяжении всей своей партийно-политической деятельности не отходил от Ленина, не колебался ни вправо, ни влево, а твердо и неуклонно проводил большевистскую выдержанную политику, начиная с глубокого подполья и кончая всем периодом после завоевания власти».

М. Калинин писал, что биография Сталина «целиком вмещается в историю партии и является весьма важной частицей революционного рабочего движения. Сталин всегда принадлежал **к плеяде ближайших сотоварищей Ленина**» (подчеркнуто нами. — *А. З.*).

---

[56] См. подробно: Волобуев О., Кулешов С. История не терпит полуправды // Социалистическая индустрия. — 1988. — 25 июня.

А. Микоян: «Надо полагать, 50-летие т. Сталина даст толчок к тому, чтобы мы, идя навстречу законным требованиям масс, взялись, наконец, за разработку его биографии и сделали ее доступной партии и всем трудящимся страны». Он заявлял также, что на «уроках жизни» Сталина надо «воспитывать молодое поколение партии».

Среди всех этих панегириков особое место принадлежало **статье Ворошилова.** В ней, а затем в одноименной брошюре делалась массированная попытка представить Сталина не только как руководителя и организатора всех побед в гражданской войне. Ворошиловская формула «там, где Сталин, там победа» служила делу фальсификации роли партии и Ленина в обеспечении разгрома врага и возвеличению мнимых заслуг Сталина. В статье ничего не было сказано о серьезных ошибках Сталина, отмеченных Лениным в речи на VIII съезде РКП(б), неоднократном противопоставлении Сталиным своего мнения позиции Центрального Комитета партии.

Естественно возникает вопрос: верили ли авторы в то, что они писали? Однозначный ответ, очевидно, невозможен. Можно высказать такое предположение: все они, возможно, считали, что такая фальсификация нужна партии, народу, социализму.

Но можно и со всей определенностью сказать, что часть из них (Каганович, Ворошилов) занимались заведомой ложью. В целом же все статьи нанесли огромный вред партии, стране, делу воспитания трудящихся, идеологически укрепляя сталинский режим личной власти.

До невероятных размеров пропагандистская кампания вокруг переиздания «Письма с Кавказа» Сталина за 1909 г. была раздута Л. П. Берия. В 1935 г. он опубликовал в виде брошюры фальсификаторский доклад «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья»[57]. В центре этой «работы» стояло стремление поставить фигуру Сталина в один ряд с Лениным.

Деятельность Сталина и его окружения по «идеологическому обеспечению» культа развертывалась целеустремлению и по многим направлениям. В начале

---

[57] См.: Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 5. — С. 59, 68.

30-х гг. в этих целях Сталин решил использовать и историко-партийную науку. В его письме в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931 г.) под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, что само по себе было необходимым и верным, крылось явно выраженное стремление направить исторические исследования в русло, противоречащее научному анализу. Уже в этом письме проявилась такая характерная черта, которую К. М. Симонов впоследствии верно оценит как «утилитарное» отношение к историческому опыту, окрашенное личными мотивами [58].

В систему подобных идеологических мероприятий вписываются и другие негативные моменты развития обществознания: постановка Сталиным в центр внимания исследователей проблематики, определяемой им самим, где в директивном порядке был сделан упор на разработку концепции изначальности двух вождей партии (Ленин и Сталин) и двух ее центров (газет «Искры» и «Брдзола»); запрет изучения истории партии и истории страны в вариантах, отличающихся от сочиняемых Сталиным; подозрительное и явно отрицательное отношение к архивным источникам, что на деле означало ориентацию на искажение истории партии в угоду прославления «заслуг» Сталина. Всех тех, кто отступал от подобных установок или не «каялся» в такого рода «грехах», клеймили как «троцкистских пособников» или «троцкистских контрабандистов». Эта риторика была не случайной для окружения Сталина и его самого. Наклеивание «страшных» ярлыков заменяло отсутствие аргументации, убежденности в правоте и нужного интеллектуального потенциала для ведения научного исследования истории по существу. Именно такими «талантами» и отличались политические деятели и ученые, которые желали выслужиться, которые свои карьеристские цели ставили выше интересов партии, социализма, марксистско-ленинской науки.

Идеи Сталина в области истории, высказанные в письме в журнал «Пролетарская революция», были тут же гипертрофированы в погромном выступлении Кагановича в Институте Красной профессуры. В целях закре-

[58] См.: Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя, — 1988. — № 4. — С. 69.

пления поворота историко-партийной науки в русло восхваления Сталина он, в частности, назвал изучение партийных документов «формально-бюрократическими ковыряниями в бумажках»[59]. В этих действиях Сталина и Кагановича утверждалась на деле и тенденция заставить «замолчать» тех историков, которые тогда еще не отступили от ленинской концепции истории партии.

Для успешного культивирования идей и взглядов Сталина им был создан разветвленный аппарат манипулирования общественным сознанием коммунистов и беспартийных, насаждавший вопреки материалистическому мировоззрению мистически-суеверное преклонение перед «Вождем», «Хозяином», его «Деяниями». Эта деятельность имела несколько последствий: постепенная подмена ленинской концепции социализма и самого ленинизма идеями Сталина; монопольно-монистическое положение в пропаганде и науке взглядов Сталина; пресечение иных, чем его собственные, «научных» положений, не говоря уже об альтернативных.

Инициатором всей разноплановой фальсификации общественной науки был сам Сталин. Об этом с особой наглядностью свидетельствуют некоторые эпизоды работы над «Кратким курсом истории ВКП(б)», который был объявлен в постановлении ЦК от 14 ноября 1938 г. каноническим «единым руководством» по истории партии, представляющим официальное толкование «основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма», не допускающим «никаких произвольных толкований»[60].

Сталин лично вписал в макет «Краткого курса» многие дополнения, в одних случаях довольно пространные, в других — отдельные абзацы и поправки. Все они в концептуальном плане имели целью утвердить в массовом сознании в интересах возвеличивания Сталина и еще большего упрочения его единовластия ряд антинаучных представлений и мифов по истории партии. Одним из них было следующее: «История нашей партии есть история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления»[61]. Тем самым внедрялась мысль о том, что процесс создания партии нового типа был связан только с борьбой против оппортунизма, а если иметь в виду послеоктябрьский период, то здесь опять проталкивалась все та же маниакальная идея об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Другая мысль, пронизывающая вставки Сталина, — его стрем-

---

[59] См.: Каганович Л. М. За большевистское изучение истории партии. — 2-е изд. — М., 1932. — С. 27.

[60] Подробно об этом см.: Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 11.

[61] См.: Сталин И. В. Соч. — Т. 9. — С. 5

ление возвыситься до уровня Ленина, изобразить себя вождем партии с момента ее основания, крупнейшим теоретиком большевизма. Этому, в частности, служило и назойливое цитирование в тексте «Краткого курса» работ Сталина. Такой прием, с другой стороны, должен был принизить Ленина и подлинных ленинцев, которым Сталин давал уничтожающие характеристики (Н. И. Бухарину и др.). Пренебрежение проявлялось и по отношению к Г. В. Плеханову и его соратникам. Группа поправок Сталина преднамеренно искажала историю западноевропейской социал-демократии, отрицала наличие в ее рядах и во II Интернационале (до первой мировой войны) левого революционного направления.

Сталин был глубоко уверен в том, что о нем «допишут оду» его единомышленники. И действительно, то, что он хотел увидеть о себе на страницах «Краткого курса», дописали не только историки (Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов и отчасти В. Г. Кнорин), но и В. М. Молотов, А. А. Жданов, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин и другие члены Политбюро, которым были розданы макеты книги. Молотов, например, на тексте главы о коллективизации, где, как известно, одобрялась сталинская политика уничтожения значительной части крестьянства, написал: «С энтузиазмом — за». Он также солидаризировался и с истреблением ленинских кадров партии в 1937—1938 гг. В заключении к книге он сделал вставку о том, что Сталин был единственным человеком, который после смерти Ленина двигал вперед марксистскую теорию. Даже после XX съезда КПСС Молотов и Каганович выступали в защиту «Краткого курса», против написания нового учебника.

Тем же целям, что и сама книга, служило и постановление ЦК от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», написанным, безусловно, с участием Сталина. Утвердив идею о том, что «Краткий курс» — «энциклопедия» «основных знаний в области марксизма-ленинизма», Сталин тем самым возвышался как бы в ранг энциклопедиста. В дальнейшем «Краткий курс» стал именоваться «сталинским».

Апогеем самопрославления Сталиным своей роли в истории партии и в «творческом развитии» марксизма-ленинизма явились его собственноручные вставки в книгу «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», вышедшую в 1948 г. Его рукой в текст вписаны следующие пассажи:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось **после выхода Ленина из строя** (т. е. еще до кончины Ленина) то руководящее ядро нашей партии.., которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. **Руководителем этого ядра и ведущей силой партии был товарищ Сталин»** (подчеркнуто нами. — *А. З.*). Посчитав, однако, это утверждение, которое не пришло даже в голову сверхльстивым и готовым на всяческую фальсификацию составителям биографии недостаточным, Сталин добавляет: **«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа** (подчеркнуто нами.— *А. З.*), имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования». Так в историографии самим Сталиным закрепляется термин «вождь партии и народа».

Сталина не удовлетворили формулировки авторов его биографии о том, что «Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина и при активном личном участии разработала «Краткий курс истории ВКП(б)». В его редакции эта фраза приобрела такое звучание: «В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией Центрального Комитета ВКП(б)». Так, вопреки тому, что было написано на титульном листе самого «Краткого курса», появляется новая версия, послужившая закреплению термина «Сталинский краткий курс истории ВКП(б)».

Вписанный Сталиным текст в свою собственную биографию имел целевым назначением дальнейшее расширение уже и без того громадного его культа, а значит, и единовластия. Но этим дело не исчерпывалось. Оно должно было, по мысли Сталина, иметь еще несколько последствий: закрепить в историческом сознании советского народа и мировой общественности представление о том, что Сталин — вождь «однопорядковый» с Лениным и даже превосходящий его по своим «деяниям», что, естественно, принижало роль и значение Ленина в историческом процессе. Именно с этой целью фраза макета книги о том, что «Сталин — это Ленин сегодня» была им исправлена так: «Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня». Вставки Сталина, в свою очередь, указывали авторам биографии, и не только им, направление дальнейшей фальсификации истории партии, истории СССР.

Камуфляж содействовал тому, что создавалось немало иллюзорных и мифологических представлений о «Сталине — теоретике-марксисте-ленинце». Постепенно в сознании партии и народных масс укоренился тезис о том, что несогласие со взглядами и действиями Сталина означало клевету на Коммунистическую партию и Советскую власть, а возможность его критики — измену идеалам коммунизма и учению ленинизма. Это создавало ситуацию, которая на практике означала, что выступление против Сталина истолковывалось не иначе как выступление против самого святого, что было у народов страны.

Из всего сказанного выше вытекает такой вывод: отказ Сталина от ленинизма на деле означал оппозицию Сталина ленинизму. Перефразируя слова самого Сталина из его работы «Троцкизм или ленинизм», можно сказать, что вся его деятельность как в области теории, так и особенно практики была направлена на то, чтобы заменить ленинизм сталинщиной.

ПОПЫТКИ СМЕСТИТЬ СТАЛИНА

Одновременно и, вероятно, параллельно с утверждением культа Сталина, со сколачиванием верного и преданного ему окружения в партийных верхах начиная с середины 20-х гг. появляются группы коммунистов, стремившиеся если не допустить, то хотя бы затормозить на-

растающий процесс концентрации огромной власти в руках одного деятеля, сплотить под знаменами ленинизма большевистское ядро партии. Эта задача была актуальна и потому, что у сталинщины в то время имелась определенная социальная база и внутрипартийная опора. Но среди сил, выступавших против единовластия, не было того единства, которое нужно было для того, чтобы остановить нарастающее влияние и господство одной личности.

То, что Сталин сосредоточивает в своих руках огромную власть, было видно ряду руководящих деятелей партии, которые как бы предчувствовали последствия этого нарастающего процесса.

Первым, кто выступил против сосредоточения Сталиным необъятной власти, был, пожалуй, Е. А. Преображенский. Еще на XI съезде РКП(б) (март—апрель 1922 г.) (Преображенский был в то время членом ЦК) он сказал: «...возьмем, например, т. Сталина, члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов» (наркомнац с октября 1917 г. и с марта 1919 г. нарком госконтроля, а после его реорганизации в феврале 1920 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции. —*А. З.*). Мыслимо ли, говорил он, чтобы человек «был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, Оргбюро и десяти центральных комиссий». Подобных же взглядов придерживался, по-видимому, и Г. Сокольников. Но на этот раз, к сожалению, взгляды Е. А. Преображенского, не высказанные, правда, в прямой постановке вопроса, не поддержал Ленин[62]. По-видимому, он еще не имел в своем распоряжении достаточных данных о методах работы Сталина. С другой стороны, острый недостаток руководящих кадров неизбежно вел к необходимости совмещения в одном лице нескольких ведущих позиций в партии и государстве. Но это была, повторяем, пока лишь робкая попытка увидеть зарождение негативной тенденции. Положение коренным образом изменилось через год, во время болезни Ленина.

События развивались в следующей последовательности.

8 октября 1923 г. Л. Д. Троцкий, тогда член Политбюро, направляет в ЦК и ЦКК заявление, которое сво-

---

[62] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 122.

им острием было нацелено против бюрократизации партийного аппарата и свертывания внутрипартийной демократии, забвения принципов выборности и т. д. Весь этот документ был обращен против сложившегося партийного руководства и прежде всего против Сталина, Зиновьева и Каменева, хотя в самом тексте это отрицалось. Заявление Троцкого было не только полемически заострено (что являлось характерным для стиля изложения его автора), но и в ряде моментов субъективным, в конечном итоге преследовало цель возвеличить самого Троцкого.

15 октября 1923 г. ЦК РКП(б) получает еще один документ, известный в истории партии как «Заявление 46-ти» (или «Пещерный», «Кисловодский»). Его подписали разные деятели партии, как те, кто открыто шел за Троцким (Е. Преображенский, Л. Серебряков, Г. Пятаков и др.), бывшие децисты (Н. Осинский, Т. Сапронов), так и те, кто был встревожен положением дел в партии (А. Бубнов, Г. Евдокимов, М. Лашевич, В. Антонов-Овсеенко и др.).

По своей направленности, несмотря на то, что он во многом повторял идеи, выдвинутые Троцким, этот документ может считаться одной из серьезных попыток сместить Сталина с поста генсека. В «Заявлении» говорилось: «Режим, установившийся в партии, совершенно нетерпим. Он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий». Под «серьезными событиями» имелись в виду, очевидно, трудности, переживаемые страной в области экономики, а также стачки рабочих.

Письмо Троцкого, «Заявление 46-ти», а также развернувшаяся на страницах «Правды» и в партийных организациях дискуссия, в центре которой стояли вопросы внутрипартийной демократии, могли оказать воздействие на решение вопроса о смещении Сталина с поста генсека. Но этого не случилось по ряду обстоятельств. Среди них отметим следующие: отсутствие в названных выше документах прямой постановки вопроса о перемещении Сталина с поста генсека; компромиссный характер постановления совместного заседания Политбюро

ЦК и Президиума ЦКК от 5 декабря 1923 г., за которое голосовали как Троцкий, так и Сталин, Зиновьев и Каменев. В постановлении лишь в общей форме отмечалась необходимость усиления внутрипартийной демократии и не содержалось указаний на расширяющуюся власть «триумвирата», Сталина в особенности; наличие в работе Троцкого «Новый курс» (январь 1924 г.) и других ряда ошибочных положений — о перерождении старой партийной гвардии и необходимости ориентации на молодежь, прежде всего учащуюся, и т. д., — что и было использовано «триумвиратом» для дискредитации Троцкого. Не была популярной в широких партийных кругах и та мысль Троцкого, которую он постоянно подчеркивал, что именно он и его ближайшие соратники, а не кто-либо другой в партии являются подлинными ленинцами. Все это, естественно, ослабляло борьбу за смещение Сталина.

На протяжении последующих двух лет расстановка сил в руководящих кругах партии начинает изменяться в пользу Сталина. В составе Политбюро, куда наряду со Сталиным, Зиновьевым, Каменевым и Троцким входили Бухарин, Рыков, Томский, последние трое выступали в союзе со Сталиным по большинству коренных вопросов политики партии и социалистического строительства. Именно в этот период Зиновьев и Каменев, чтобы не допустить установления все яснее обозначавшегося единовластия Сталина (разумеется, не забывая и своих собственных вождистских амбиций), переходят в наступление против своего недавнего союзника по борьбе с Троцким.

Местом осуществления своих планов Зиновьев и Каменев избрали XIV съезд партии. Выступая на съезде, Л. Б. Каменев заявил, что Сталин не является той фигурой, которая может выполнить роль «объединителя большевистского штаба»; он также подчеркнул: «Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя». Мы против того, чтобы делать «вождя». Как бы на втором плане в выступлении Каменева присутствовала мысль, что в партии есть люди, которые могут объединиться вокруг ленинских идей, заменить Сталина, и под этими людьми он подразумевал прежде всего себя и Зиновьева.

Заявление Каменева было подобно разорвавшейся в зале заседаний бомбе. Но уже скоро начали раздаваться возгласы: «Партия выше всего!», «Да здравству-

ет товарищ Сталин!». Это была открытая попытка отстранить Сталина от руководства[63]. Она потерпела поражение. Поражение было обусловлено тем, что Сталину удалось склонить на свою сторону большинство съезда, на котором шла борьба против так называемой «Новой оппозиции». Те же, кто надеялся, что им удастся со временем доказать партии неподготовленность Сталина к руководству ею, недостаточно учитывали возросшие возможности Сталина как генсека и создание им послушного себе партаппарата.

Не последнюю роль в том, что на XIV съезде предложение Л. Каменева и его единомышленников не получило поддержки и Сталину удалось взять верх, имело то обстоятельство, что заодно с ним выступал такой виднейший член руководства партии, как Бухарин со своими сторонниками. Сталин не без помощи Бухарина использовал данную ситуацию для «отсечения» от руководства партии сначала Троцкого, а затем Каменева и Зиновьева. Тем самым были укреплены позиции Сталина и ослаблены усилия тех, кто мог бы сплотиться для изоляции генсека. Так была упущена реальная возможность устранить Сталина от руководства партией.

Сложившийся в 1926 г. союз Зиновьева и Каменева с Троцким не представлял уже лично для Сталина существенной опасности, хотя новые союзники еще верили в возможность своей победы. Показателен в этом отношении эпизод с Каменевым, который на одной из встреч с Троцким воскликнул, обращаясь к нему: «Как только вы появитесь на трибуне рука об руку с Зиновьевым, партия скажет: «Вот Центральный Комитет! Вот правительство!»[64]. Но это было иллюзией, и не только потому, что Сталин к этому времени укрепил свои позиции в ЦК и Политбюро, но и ввиду того, что партия в целом не поддерживала их как застрельщиков нового этапа внутрипартийной борьбы, не разделяла их

[63] Д. Волкогонов в этой связи справедливо, на наш взгляд, отмечает: «Это были мужественные слова». И далее: «Из публично сказанного против единовластия Сталина, которое тогда еще только-только начинало проглядываться, это были... слова предупреждения. За одно это Каменев заслуживает уважения» (Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. — 1988. — № 10. — С. 51).

[64] См.: Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. — 1989. — № 1. — С. 188.

взглядов относительно невозможности построения социализма в одной стране, ибо социализм был целью и программой действий миллионных масс трудящихся СССР. Не соответствовали действительности и другие утверждения, в частности о том, что Сталин, Бухарин, Рыков возрождают в стране капитализм. Такое могло быть сказано только в сильном полемическом задоре.

Отметим и такую особенность: Сталин в ходе новой дискуссии (1926—1927 гг.) избрал единственно верную для реализации своей цели упрочения единовластия тактику: он стал наносить удары Троцкому и Зиновьеву по их больному месту — беспринципности. Сопоставляя многочисленные цитаты из произведений этих лидеров (а это он делал умело всегда), Сталин показал, что новые «триумвиры» еще недавно сами обвиняли друг друга в отказе от ленинизма.

Другую, «более тяжелую» работу в полемике с Троцким, Зиновьевым и Каменевым Сталин предоставил Бухарину и его ученикам. И в этом заключался довольно дальновидный расчет: оттеснить и Бухарина и его группу от прямых связей с партийным аппаратом и большинством партийных масс; натравить искушенного в полемической борьбе Троцкого и его новых единомышленников на Бухарина; выявить слабые и неверные положения во взглядах Бухарина, что могло пригодиться в будущем, при переходе в атаку против сегодняшних союзников. Этих целей Сталин добился. Одновременно ему удалось организационно закрепить свою победу[65], намного приблизившись к абсолютному единовластию. Каменев был исключен из партии решением XV съезда партии. Восстановили в партии Зиновьева и Каменева в 1928 г.

В 1928—1929 гг. Н. И. Бухарин вместе с А. И. Рыковым и М. П. Томским и поддерживавшими его представителями молодого поколения так называемой школой Бухарина (А. Слепковым, Д. Марецким, Е. Цейтлиным и др.) выступили против линии Сталина и его окружения по коренным вопросам строительства социализма: о политике чрезвычайных мер в деревне, об отношении к крестьянству, о форсировании индустриализации, насаждении бюрократических методов в деятельности партии, о взаимоотношениях с братскими партиями и положении в Коминтерне и некоторым другим.

Для правильного понимания развернувшегося противоборства

[65] Объединенный Пленум ЦК и ЦКК 23—26 октября 1926 г. исключил Троцкого из Политбюро; 14 ноября 1927 г. Объединенный пленум исключил Троцкого и Зиновьева из партии.

следует иметь в виду расстановку сил к этому времени в Политбюро. Сталина твердо поддерживали Молотов, Куйбышев, Ворошилов, к ним примыкал (с отдельными оговорками) Калинин. Колеблющуюся позицию занимали два члена Политбюро — Орджоникидзе и Рудзутак.

Бухарина, кроме Рыкова и Томского, поддерживали кандидат в члены Политбюро ЦК, руководитель московских коммунистов Н. А. Угланов, а также ряд секретарей местных партийных организаций. И еще одно. В развернувшейся борьбе Бухарин в отличие от Зиновьева и Каменева, а тем более Троцкого не стремился к узурпации власти в партии, захвату поста генсека.

Одним из первых документов «правого уклона» — такой политический ярлык навесил Сталин на группу Бухарина — является письмо Бухарина Сталину от 1—2 июня 1928 г. Автор письма писал, что в руководстве партии отсутствует целостный план выполнения решений XV съезда ВКП(б) (ни разу, даже в узкой среде «не обсуждали общих вопросов политики»), отмечал усиление чрезвычайных мер в деревне, проведение Сталиным линии, отличной от курса XV съезда. В своих выступлениях на Пленуме ЦК в июле 1928 г., на собрании Московской парторганизации в сентябре того же года, в докладе, посвященном пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина, а также в публицистических статьях Бухарин предпринял попытку раскрыть перед партией ошибочность проводимой Сталиным политики отхода от решений XV съезда. Бухарин в противовес Сталину считал, что нэп еще не исчерпал себя, что имеется реальная возможность проводить политику кооперирования крестьянства на тех основах, которые были выработаны Лениным.

Особенностью выступлений Бухарина и его соратников было то, что они не носили фракционного характера, не являлись на деле правым и никаким другим уклоном в партии. Это была политическая альтернатива пагубному сталинскому курсу на отход от ленинского плана построения социализма.

Особенно острый характер эта борьба принимает в 1929 г. В заявлении Бухарина от 30 января, а затем в заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля («платформа трех»), которые были оглашены на заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК, ставились вопросы о гибельности выдвинутой Сталиным внутренней политики («военно-феодальная» эксплуатация деревни), содержалось предложение о коренном изменении состава Политбюро. Эта была линия на отстранение Сталина от руководства, хотя об этом прямо не говорилось и не писалось. В этом был и серьезный тактический просчет группы Бухарина, ибо не была использована одна из возможностей изменить ошибочный антиленинский курс в политике, предлагавшийся Сталиным, и отстранить его от руководства ВКП(б).

Сталин не замедлил воспользоваться создавшейся ситуацией. Он продолжал укреплять свои позиции, проводил соответствующую многоплановую работу: консолидировал и сплачивал свое окружение, перетягивал на свою сторону колеблющихся членов ЦК и ЦКК и руководителей местных партийных организаций, тех из них, кому по разным соображениям импонировал курс на продолжение «чрезвычайщины».

Крупными вехами на пути к победе режима личной власти Сталина явились Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся в апреле 1929 г., и вскоре последовавший за ним, в июне

того же года пленум Исполкома Коминтерна. В выступлениях Бухарина на них была предпринята новая попытка обосновать свои позиции по вопросам дальнейшего строительства социализма и отмести стремления Сталина представить его, Бухарина, как организатора правой оппозиции курсу ЦК. «Вы новой оппозиции не получите!»[66] — воскликнул он на Пленуме ЦК. Но речь Сталина «О правом уклоне в ВКП(б)» получила поддержку большинства участников этого форума.

Сталин перешел в яростное наступление. Ему благоприятствовало и то, что на его стороне находилось большинство членов Политбюро ЦК и Президиума ЦКК. На идеологическом фронте в роли застрельщика в этой борьбе выступал Е. М. Ярославский. Нужно принять во внимание и то, что Сталин, как и прежде, в других случаях, вел борьбу с Бухариным целеустремленно, применяя всю мощь своего коварства, методы демагогии и фарисейства. Если, например, на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) он заявлял, что у «правых» нет фракции и маловероятно, что они ее создадут, то на уже упоминавшемся апрельском (1929 г.) Пленуме говорилось о том, что они создали самую неприятную и самую мелочную из всех имевшихся фракций. Это делалось не только для того, чтобы унизить и деморализовать своих оппонентов, но и не допустить их сплочения в борьбе со Сталиным, который добивался публичного признания ими своих «ошибок».

В ноябре 1929 г. Бухарин был выведен из состава Политбюро, а затем и освобожден от поста в Исполкоме Коминтерна. Рыков и Томский были предупреждены. После этого позиции Сталина настолько усилились, что можно было готовиться к массированному наступлению против большевистской части ВКП(б), ибо пока она существовала, он не мог считать свой диктаторский режим в партии и государстве закрепленным до конца. Потребовалось еще несколько лет — до 1934 г., когда убийство Кирова открыло для этого все возможные шлюзы.

Борьба против Сталина была затруднена тем, что каждое выступление Бухарина в печати квалифицировалось как антипартийное, что, естественно, не способствовало мобилизации сил в целях смещения генсека. Но несмотря на это, на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 г. взгляды Бухарина поддерживались некоторыми его участниками. Определенную поддержку нашла и его статья «Экономика Советской власти» (май 1934 г.), в которой выдвигалась идея развития социалистического рынка и применения материальных стимулов труда. Несмотря на то что эти идеи шли вразрез со взглядами Сталина, он, однако, не пошел на открытую конфронтацию, обратившись лишь с письмом к членам Политбюро, где изложил свои замечания по статье. У Сталина еще не было уверенности, что открытая полемика даст ему полную победу. Это говорит о том, что существовала еще какая-то, хотя бы «теоретическая», возможность «удержать» Сталина.

Анализ выступлений Бухарина и его единомышленников против политики Сталина и его окружения позволяет считать, что этими коммунистами не были использованы до конца возможности, которые предоставила им история в конце 20-х — начале 30-х гг., вер-

---

[66] См.: Журавлев В., Наумов В. Возвращение к правде // Правда. — 1988. — 9 октября.

нуть партию на путь осуществления ленинской концепции строительства социализма. Они не осознали в полной мере то обстоятельство, что их альтернативные предложения имели довольно широкую поддержку в партийных организациях, а также в значительной толще трудящихся масс. С точки зрения рассматриваемой проблемы тактика группы Бухарина может быть оценена в основном как оборонительная, к тому же не были использованы все организационные возможности для решительного противодействия линии Сталина и его окружения. Такая тактика приводила к тому, что среди сторонников Бухарина наблюдались колебания. В то же время Сталин взял на вооружение методы, свойственные диктаторам: выступал твердо под флагом защиты генеральной линии партии и ленинизма от якобы их извратителей, плюрализм мнений заменялся им беспринципной групповщиной.

Все это в конечном итоге и предопределило поражение группы Бухарина, Рыкова, Томского и привело к тому, что Сталин остался на посту генерального секретаря ЦК партии.

Недовольство режимом, установленным Сталиным в партии и стране, проявлялось в конце 20-х — начале 30-х гг. не только в «верхах» партийного руководства, но и в «среднем звене» партии и в среде рядовых коммунистов. Это было составной частью тех процессов, которые развертывались в ЦК и его Политбюро.

Вот некоторые конкретные факты. На 1-й Московской областной партконференции (1929 г.) члену Политбюро ЦК Молотову, незадолго до этого занявшего пост первого секретаря МК и МГК ВКП(б), от делегатов поступила записка следующего содержания: «Не думайте, что за Вами идут и голосуют, идейно многие против Вас, но боятся потерять кусок хлеба и свои привилегии. Поверьте, все крестьянство против Вас. Да здравствует ленинизм, долой сталинскую диктатуру!». В другой записке говорилось о том, что диктатура Сталина и его группы насаждает антиленинские методы, что выступление против них ведет в «тюрьму и дальше»[67].

В начале 30-х гг. попытку разоблачить действия Сталина как антиленинские предприняла группа партийцев во главе с Мартемьяном Никитичем Рютиным, членом партии с 1914 г., работавшим в 1924—1928 гг. секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы, избранным на XV съезде ВКП(б) кандидатом в члены ЦК[68]. После острой беседы со Сталиным в 1928 г. Рю-

[67] См.: Буков К., Самородов А. Правая рука // Московская правда. — 1989. — 6 апреля.

[68] См. подробно: О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев». — Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 6. — С. 103—115.

тин был обвинен в примиренчестве по отношению к «правым», а в 1930 г. исключен из партии.

После ареста в ноябре 1930 г. и непродолжительного заключения к Рютину обратилась организация «Союз марксистов-ленинцев», основанная в августе 1932 г., с просьбой написать для нее программный документ. Союз выдвигал цель — объединить коммунистов, выступающих против диктатуры Сталина. Среди членов Союза были старый большевик Василий Николаевич Каюров (член партии с 1900 г.), Михаил Семенович Иванов (член партии с 1904 г.), профессор Московского торфяного института Павел Платонович Федоров и другие, всего несколько десятков человек.

Платформой Союза стали написанное Рютиным Обращение «Ко всем членам ВКП(б) (оно было отредактировано Каюровым и Ивановым) и документ «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Лейтмотивом Обращения было положение, записанное в первом его абзаце: «Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, встал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти». В обращении отмечалось, что учение Маркса и Ленина извращается и фальсифицируется Сталиным, а ЦК стал совещательным органом при «непогрешимом» диктаторе. Объявлялось, что Союз ставит своей задачей защиту ленинизма и является частью ВКП(б) и поэтому не противопоставляет себя партии. В Обращении на конкретных фактах было показано извращение Сталиным теории и практики ленинизма.

Такого объективного, честного и страстного документа с разоблачением Сталина и требованием его отстранения от руководства партией ВКП(б) до тех пор не знала. Платформа Союза распространялась в Москве, Харькове. С его документами были ознакомлены Зиновьев, Каменев, Угланов, Стэн.

Союз марксистов-ленинцев, находясь на стадии формирования, успел только распространить свои идеи и поэтому не стал объединительной платформой против сталинщины.

Чрезвычайно слабо в нашей литературе изучена

история отпора сталинщине со стороны С. И. Сырцова[69], а также А. П. Смирнова[70], Н. Б. Эйсмонта[71], В. Н. Толмачева и их единомышленников.

С. И. Сырцов открыто выступал против Сталина начиная с 1929 г. Он критиковал навязанные им непосильные для страны темпы индустриализации, авторитарные методы партийного руководства. Сырцов был убежден в необходимости перемещения Сталина с поста генсека. Получив в 1930 г. поддержку со стороны отдельных членов ЦК и ЦКК, он намеревался поставить эти вопросы на очередном заседании ЦК и ЦКК. Им был создан координационный центр, в который вошли И. О. Нусинов, В. А. Каварский, Ю. А. Гальперин, В. А. Курц и др. Центр установил контакт с группой члена ЦК В. В. Ломинадзе, в которой состояли бывший секретарь ЦК комсомола Л. А. Шацкин, В. Д. Резник и другие.

Обсуждение вопроса о Сталине началось еще до пленума — на Политбюро, где Сырцов сказал, что этот высший орган партии превратился в совещательный при генсеке.

Дальнейшие события развивались в такой последо-

---

[69] Сырцов Сергей Иванович — видный деятель большевистской партии, в которую вступил в 1913 г., будучи студентом Петербургского политехнического института. После Февральской революции возглавлял Ростовский Совет, Военно-революционный комитет и Донревком. В 1920—1921 гг. — секретарь Одесского губкома партии. С 1921 г. в аппарате ЦК партии — заведующий учетно-распределительным, затем агитационно-пропагандистским отделами. В 1926 г. избран секретарем Сибирского крайкома; в 1928 г. назначен Председателем Совнаркома РСФСР. Член ЦК партии в 1925—1930 гг. (кандидат с 1924 г.); кандидат в члены Политбюро ЦК в 1929—1930 гг.; член ВЦИК.

[70] Смирнов Александр Петрович — член партии с 1896 г. Участвовал в деятельности Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Участник революции 1905—1907 гг., делегат IV и V съездов РСДРП. Избирался кандидатом в члены ЦК РСДРП в 1907 и 1912 гг. С 1923 г. — нарком земледелия РСФСР. В 1928—1930 гг. заместитель председателя СНК РСФСР и секретарь ЦК ВКП(б). Член ЦК в 1922—1933 гг., член Оргбюро ЦК в 1924—1930 гг. Член Президиума ЦИК СССР. В 1927—1930 гг. — близкий сотрудник А. И. Рыкова.

[71] Эйсмонт Николай Болеславович — член партии с 1907 г., вел революционную работу в Петербурге, где учился в Университете. На VI съезде РСДРП(б) в числе «межрайонцев» был принят в большевистскую партию. После Октября — помощник городского головы Петрограда. С 1925 г. — нарком торговли РСФСР, заместитель наркома торговли СССР; с 1931 г. — нарком снабжения РСФСР.

вательности. Политбюро приняло решение передать «дело» о фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др. на рассмотрение ЦКК. В начале декабря 1930 г. было принято совместное постановление ЦК и ЦКК с уже «отработанной» формулировкой — о возникновении в партии «лево»-правого блока» с программой, совпадающей с платформой правых «оппортунистов». С. И. Сырцов и В. В. Ломинадзе были выведены из состава ЦК; в дальнейшем был Сырцов репрессирован, Ломинадзе покончил с собой после предъявления ему надуманного обвинения в создании террористической группы[72].

Январский (1933 г.) Пленум ЦК и ЦКК в своей резолюции объявил о создании «подпольной фракционной группы» Эйсмонта, Толмачева, Смирнова и др. и вербовки ею своих сторонников «среди разложившихся элементов». Они обвинялись в «антипартийной работе против политики партии». Ничего, естественно, не говорилось о требовании относительно смещения Сталина. Последний подал на Пленуме реплику, целиком отражающую веру «вождя» в собственную незаменимость: «Ведь это враги могут говорить, что убери Сталина и ничего не будет!» Эйсмонт и Толмачев были исключены из партии, Смирнов из состава ЦК, а позднее из рядов партии и был репрессирован. Во второй части указанной резолюции объединенного Пленума отмечалось, что члены ЦК Томский и Рыков и кандидат в члены ЦК Шмидт поддерживали Смирнова и Эйсмонта «чем по сути дела поощряли их в их антипартийной работе».

История создания группы Смирнова, Эйсмонта и Толмачева содержит ряд неясных моментов и нуждается в дополнительном изучении.

Приведенные факты опровергают мнение о том, что Коммунистическая партия единодушно поддерживала Сталина. Но те, кто выступал против него, терпели поражение, ибо подавляющее большинство трудящихся страны шло за Сталиным.

Утверждение всевластия Сталина завершается на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Несмотря на сопротивление части коммунистов, Сталин окончательно закрепил свое господство в партии и государстве. Проявилось это и в том, что после Пленума

---

[72] См.: Старков Б. Честь истории // Знание — сила. — 1988. — № 10. — С. 80, 84.

начался разгул массовых репрессий против верных идеям большевизма кадров партии.

Победа Сталина была результатом отхода от ленинской концепции строительства социализма, чему способствовало и ускорение командно-приказной системы управления делами общества и государства, явившейся необходимым условием создания атмосферы всеобщего слепого подчинения вождю.

Ситуация осложнялась и тем, что уже в конце 20-х — начале 30-х гг. по инициативе Сталина стало широко применяться выдвинутое им же положение о вредительстве в качестве универсального объяснения причин не только трудностей социалистического строительства, но и орудия борьбы с теми, кто мыслил не так, как он сам. Это, естественно, осложняло консолидацию сил для борьбы против диктаторских устремлений Сталина. Наконец, этой консолидации мешала обстановка «чрезвычайщины», когда затруднялось нормальное функционирование всей системы социалистической демократии. Не последнюю роль сыграло и ослабление местных партийных организаций в результате создания в сельской местности в начале 30-х гг. двоевластия — райкомов и политотделов МТС (заместителями начальников политотделов являлись представители ОГПУ), а в городе наряду с райкомами партии — парторгов ЦК ВКП(б) на крупных предприятиях.

И еще один бесчестный прием с большим эффектом использовал генсек. В заключительном слове по Отчетному докладу ЦК на XIV съезде партии он сказал: «...политика отсечения чревата большими опасностями для партии... метод отсечения, метод пускания крови — а они (Зиновьев и Каменев. — *А. З.*) требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?»[73]. Может быть, тогда, в 1925 г., он так искренне думал? Нет! Это было фарисейство, расхождение между словом и делом. Но тем не менее оно оказывало воздействие на партию, массы в нужном Сталину духе, и в этом заключалась также одна из причин, почему он оставался генсеком.

И здесь нужно обратить внимание на одно, пока еще не упоминавшееся исследователями, обстоятельство. Фа-

---

[73] Сталин И. В. Соч. — Т. 7. — С. 380

риевйство Сталина имело, так сказать, обратную связь. Оно получало отзвук в партии, причем не только среди ее верхов.

Это было своеобразно продемонстрировано на XVII съезде партии ВКП(б) (1934 г.). Славословие в адрес Сталина раздавалось не только со стороны его ближайшего окружения (например, Ворошилова, Жданова, а также Хрущева, Кирова). Устами Бухарина Сталин был назван «славным фельдмаршалом пролетарских сил, лучшим из лучших», человеком, который «был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя марксистско-ленинскую диалектику, целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, формулированных прежде всего мной». Когда Бухарину этого показалось мало, он добавил: «...обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища Сталина, как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя».

На этом же съезде Каменев говорил в своем выступлении о наступившей эпохе как эпохе Сталина, нашего «вождя и командира». Осинский назвал Сталина «вождем мирового коммунизма». Томский подчеркнул, что Сталин — это «великий инженер социалистического строительства». Даже Зиновьев, один из наиболее близких Ленину людей, назвал работы Сталина квинтэссенцией ленинизма в данную эпоху. И в то же время многие делегаты (не из числа так называемой оппозиции — ее представители не имели решающего голоса) при тайном голосовании вычеркнули его имя из баллотировочных бюллетеней нового состава ЦК. Это был интересный феномен [74].

Но каким образом объяснить позицию выступавших на съезде Бухарина, Зиновьева, Каменева и других. Трудно представить, что, несомненно, осознав уже к этому времени губительность для судеб социализма избранного Сталиным пути, они фактически укрепляли позиции Сталина, вносили свой вклад в утверждение его единовластия. Что заставило их так поступать?

[74] В понимании этого «феномена» свою роль играет анализ состава участников XVII съезда: 80% делегатов с решающим голосом вступили в партию в годы подполья до 1920 г., 75% являлись участниками гражданской войны. В целом же в партии удельный вес бывших подпольщиков и участников гражданской войны составлял всего 10%.

В качестве одного из предположений выскажем мнение о том, что, по убеждению представителей старой партийной гвардии, открытые заявления или прямое противоборство со Сталиным ослабляло партию, нарушало единство ее рядов, влекло за собой раскол. Другое предположение состоит в том, что старые большевики принимали условия навязанной им бесчестной игры ради того, чтобы не оказаться вне партии, без нее они не мыслили своего существования. Наконец, третье предположение такое: раз так нужно партии, ее благу — пусть так будет! Эта точка зрения среди партийцев была особенно распространена.

Путем политических интриг, а затем и репрессий Сталину удалось застопорить движение партии по ленинскому пути. Победа Сталина не стала, однако, всеобщей. Она была «успехом» в той области, где он имел преимущества перед своими оппонентами, — организационной и частично в политической. Она дала Сталину многое — с политической арены были убраны, уничтожены физически большинство из тех, кто стоял вместе с Лениным во главе масс в 1917 г., кто возглавлял переход к нэпу и добился его ощутимых первых результатов. На смену им пришли к руководству в одних случаях деятели беспринципные, карьеристы, в других — люди недостаточно теоретически подготовленные, не овладевшие ее ленинскими традициями, ленинскими нравственными нормами. Манипулируя общественным сознанием, со всей свойственной ему беспринципностью клятвенно заверяя в верности марксизму-ленинизму, Сталин добился того, что его авторитаризм перерос в тоталитаризм.

Но победа Сталина была воистину пирровой победой. Она содержала в себе потенции неминуемого поражения. Поражения потому, что отрицала Октябрь, социализм, их гуманистическую сущность прежде всего; поражения и потому, что культ личности, тоталитаризм несовместимы с теорией марксизма-ленинизма, губительны, наконец, для трудящихся, их физической, духовной свободы. Любой, кто поднимает меч против своего народа, обречен на гибель и проклятие, и их приносит ему тот же народ.

* * *

Драматические по своим результатам и последствиям для народов СССР и мировой политики обстоятельства, приведшие к тому, что Сталин стал Генеральным секретарем ЦК нашей партии, не было фатальной неизбежностью как и в целом его единовластие. Это подтверждается тем, что при жизни Ленина, при тех же в основном социально-экономических, политических и внутрипартийных условиях культ Ленина не сформировался и не мог состояться.

Единовластие Сталина, означавшее разрыв с ленинизмом, сложилось и начало действовать не в одночасье, где-то в конце 20-х гг., а по мере того, как Генеральный секретарь и Центральный Комитет отдалялись от ленинской концепции социализма, а также вследствие того, что в партии и стране не имелось тогда правовых гарантий против всевласти одного руководящего деятеля. Постепенно, но неуклонно вырастала своеобразная пирамида диктаторской власти, на вершине которой оказался всемогущий Сталин. Диктаторская власть распространялась на все сферы жизни общества. Для Сталина народ, люди, были не творцами истории, а винтиками для манипуляций в достижении им своих преступных целей.

Беда партии и социализма умножилась тем, что диктаторские методы управления самого Сталина копировались и тиражировались большинством партийных и государственных деятелей как в центре, так и на местах.

Сталинщина по своей политической, нравственной сути была антинародной. Она принесла огромный вред нашему продвижению к идеалам Октября. Обновление социализма, революционная перестройка общества — в этом гарантия того, чтобы навечно покончить с наследием Сталина, чтобы всевластие одной личности никогда не возродилось.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Александр Израилевич Зевелев

ИЗ ИСТОРИИ УТВЕРЖДЕНИЯ ЕДИНОВЛАСТИЯ СТАЛИНА

Главный отраслевой редактор А. Н. Киляхин
Редактор Л. Б. Ястребов
Мл. редактор И. В. Федорова
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор Н. В. Клецкая
Корректор Л. С. Соколова

ИБ № 10286

Сдано в набор 30.06.89. Подписано к печати 24.08.89. А-09607. Формат бумаги 84×108$^1/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,47. Уч.-изд. л. 3,67. Тираж 56 933 экз. Заказ 1299. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 890009.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

15 коп.

Индекс 70092

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ